

Schriften der Stiftung
Gerhart-Hauptmann-Haus
Deutsch-osteuropäisches Forum
Düsseldorf

DIE ALBERTINA
UNIVERSITÄT IN KÖNIGSBERG
1544–1994

АЛЬБЕРТИНА
КЁНИГСБЕРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
1544–1994

Herausgegeben von der Stiftung Gerhart-Hauptmann-Haus
Düsseldorf

Выпущено Фондом «Герхарт-Гауптман-Хаус»
Дюссельдорф

*Berlin,
Bonn 1994*

Die Universität in Königsberg 1544–1945

Walter Daugsch

Die Gründung der Universität Königsberg am 17. August 1544 war eine für ihre Zeit typische Schöpfung: einerseits der mittelalterlichen Wissenschaftstradition verpflichtet – was Fächerkanon und Organisation von Forschung und Lehre betraf, andererseits, was deren Inhalt und Zielsetzung anging, nicht ohne die Neuerungen des Jahrhunderts denkbar, mit dem auch im ehemaligen Ordensland Preußen die moderne Zeit begann. Hier, wie überall in West- und Mitteleuropa, zeitigten Humanismus, Renaissance und Reformation ihre Wirkung. Das Resultat war eine tiefgreifende Umgestaltung aller Lebensbereiche, die Säkularisierung des politischen und wissenschaftlichen Denkens. Hierbei sollte die neue Hochschule eine Ausstrahlung gewinnen, die weit über die Landesgrenzen Preußens hinausging.

Tatsächlich handelte es sich um einen nahezu vollkommenen Neubeginn. Die Neugründung konnte kaum und wenn überhaupt nur in sehr beschränktem Umfang an bildungspolitische Vorgaben und Grundlagen aus der Ordenszeit anknüpfen. Hatten doch Bildungs- und Kulturbeflissenheit einfach nicht zu den vordringlichen Aufgaben des Deutschen Ordens gehört. Seine zivilisatorische Leistung war nach der militärischen Eroberung bzw. damit verbunden die Christianisierung Preußens. Wie im Mittelalter üblich, vollzog sich dieser Prozeß gewaltsam. Er entsprang weniger seelsorgerischen Anliegen, sondern war zweckgebundenes Mittel zur Etablierung politischer Herr-

Кёнигсбергский университет 1544–1945

Вальтер Даугш

Основание университета в Кёнигсберге 17 августа 1544 года было типичным явлением своего времени: с одной стороны, оно обязано средневековой традиции каноническим составом предметов и организацией исследований и обучения, с другой стороны, их содержание и направление вообще было бы немыслимо без новых веяний века, благодаря которым началось новое время и на землях бывшего Тевтонского ордена. Здесь, как и везде в Западной и Центральной Европе, оказали своё влияние гуманизм, Ренессанс и реформация. В результате начались глубинные изменения во всех областях жизни и, прежде всего, секуляризация, т. е. освобождение политического и научного мышления от церковного влияния. При этом новая высшая школа должна была завоевать славу, выходящую далеко за пределы Пруссии.

И действительно, речь шла о совершенно новом деле. Основание университета почти не могло – если вообще могло, то в очень ограниченном масштабе – опираться на образовательно-политические основы и положения времён Тевтонского ордена. Образовательные и культурные аспекты просто не являлись первостепенными в его деятельности. После захвата прусской территории Тевтонским орденом его цивилизаторской миссией была христианизация населения. Как обычно в средневековье, этот процесс происходил насильственным путём. Он был не столько душевспасительной задачей, сколько

schaft über die besiegten Prußen. Die vom Orden eingeleitete deutsche Besiedlung des Landes diente in diesem Zusammenhang nicht der Ausbreitung „überlegener deutscher Kultur“ oder einem „deutschen Drang nach Osten“, wie es die Geschichtsschreibung seit dem 19. Jahrhundert sehen wollte, sondern der Aufrechterhaltung der Ordensherrschaft, insbesondere der Sicherung ihrer wirtschaftlichen Grundlage. Das Resultat war einer der am besten organisierten Staaten seiner Zeit, der freilich in zunehmendem Maße in Widerspruch zu seinem Nachbar Polen-Litauen geriet, zumal nach der Christianisierung Litauens die ideologische Existenzberechtigung des Ordensstaates, der Heidenkampf, entfiel.

Obwohl das Tätigkeitsfeld des Deutschen Ordens seine Schwerpunkte vornehmlich im militärischen und politisch-administrativen Bereich hatte, fehlte es nicht ganz an bildungspolitischen Ansätzen, zumal im schulischen Bereich. So existierte die älteste und bedeutendste der Königsberger Schulen, die Domschule, bereits seit 1296. Sie befand sich ursprünglich an der Stelle der späteren Universität. Unversitäre Bildung konnten preußische Landeskinder während der Ordenszeit allerdings nur im entfernten Ausland erhalten (etwa 4000 Studenten aus Preußen an europäischen Hochschulen lassen sich bis 1525 nachweisen). Die Gründung einer Universität im Ordensstaat selbst, die der Orden im 14. Jahrhundert im damals zu seinem Bestand gehörenden Kulm projektierte, scheiterte hingegen trotz im Grunde günstiger Voraussetzungen (politischer Wille des Landesherren, päpstliches Privileg). Es fehlte dem Orden wohl nicht an Geld zur Verwirklichung der Universitätsplanung; eher scheinen Auseinander-

setzungsmitteln zur Sicherung des politischen Herrschaftsanspruchs des Ordens. Die Kulmer Bürger das Projekt erneut auf und erhielten vier Jahre später von Kaiser Sigismund ein Universitätsprivileg. Auch jetzt kam es nicht zu einer Gründung, wohl aufgrund von Auseinandersetzungen zwischen dem Orden und seinen Ständen; wahrscheinlich haben die Kulmer das Privileg wegen der hohen Kosten auch gar nicht im Original erhalten. Ihr neuer Ansatz 1440 griff dementsprechend auf das päpstliche Privileg des Ordens zurück, doch fehlte nun allen Interessenten das Geld. Auch nach dem Abfall der preußischen Stände vom Orden hat Kulm 1454 und 1457 seine Pläne beim polnischen König nicht durchsetzen können, wobei Geldmangel und die Konkurrenz zu Krakau eine Rolle gespielt haben mögen. Die mittelalterlichen Ansätze einer Universitätsgründung in Preußen scheiterten also allesamt.

Хотя Тевтонский орден основное внимание уделял военной и административно-политической деятельности, он занимался и образовательно-политическими вопросами, особенно в сфере школьного обучения. Так, например, уже с 1296-ого года существовала старейшая и самая знаменитая из кёнигсбергских школ – «Домшуле» (школа при соборе). Она находилась на территории будущего университета. Университетское образование могли получить в те времена подданные Пруссии только за границей (около 4.000 студентов из Пруссии насчитывалось до 1525-ого года в европейских вузах). Попытка основать университет в самом государстве-ордене, предпринятая в 14-ом веке в Кульме, относившемся в те времена к Ордену, провалилась, несмотря на благоприятные предпосылки (политическая воля суверена, папская привилегия). Осуществлению плана создания университета мешало не отсутствие денег, а скорее разногласия внутри прусского представительства Ордена, которые

привели к тому, что из архива исчезла папская привилегия. В 1430-ом году кульмские граждане пытались продолжить проект и получили через 4 года университетскую привилегию от кайзера Сигизмунда. Но и теперь основание университета не осуществилось, видимо, по причине разногласий между Орденом и его сословиями. По всей вероятности, жители Кульма получили эту привилегию из-за высокой стоимости не в оригинале. Их новая попытка в 1440-ом году опиралась на папскую привилегию Тевтонского ордена, но теперь у всех заинтересованных не хватало денег. Но и после отпада прусских сословий от Тевтонского ордена Кульм не смог отстоять свои планы у польского короля в 1454 и в 1457 годах, хотя здесь могли сыграть свою роль отсутствие денег и конкуренция с Краковом. Таким образом, все средневековые попытки создать университет оказались тщетными.

„... zum Nutzen Preußens und der benachbarten Länder“

Zur Universitätsgründung kam es bekanntlich erst in der beginnenden Neuzeit. Inzwischen hatten sich die Voraussetzungen allerdings gründlich geändert: Preußen hatte sich von einem mittelalterlichen Territorium mit komplizierten Herrschafts- und Verwaltungsverhältnissen zu einem frühmodernen protestantischen Fürstenstaat entwickelt. Die Säkularisierung konnte kaum tiefgreifender sein. Mit dem Frieden von Krakau (1525) hatte der Hochmeister des Deutschen Ordens in Preußen, der fränkische Hohenzoller Albrecht von Brandenburg-Ansbach (1490–1568, Hochmeister seit 1511) den letzten Krieg, den der Orden gegen Polen geführt hatte („Reuterkrieg“

привели к тому, что из архива исчезла папская привилегия. В 1430-ом году кульмские граждане пытались продолжить проект и получили через 4 года университетскую привилегию от кайзера Сигизмунда. Но и теперь основание университета не осуществилось, видимо, по причине разногласий между Орденом и его сословиями. По всей вероятности, жители Кульма получили эту привилегию из-за высокой стоимости не в оригинале. Их новая попытка в 1440-ом году опиралась на папскую привилегию Тевтонского ордена, но теперь у всех заинтересованных не хватало денег. Но и после отпада прусских сословий от Тевтонского ордена Кульм не смог отстоять свои планы у польского короля в 1454 и в 1457 годах, хотя здесь могли сыграть свою роль отсутствие денег и конкуренция с Краковом. Таким образом, все средневековые попытки создать университет оказались тщетными.

„... для пользы Пруссии и соседних государств“

Создание университета стало возможным, как известно, с наступлением новых времён. За это время основательно изменились предпосылки: Пруссия превратилась из средневекового государства со сложными внутренними структурами в современное протестантское княжество. Секуляризация не могла быть более глубокой. Последний магистр Тевтонского ордена в Пруссии – франкский гогенцоллер Альбрехт фон Бранденбург-Ансбах (1490–1568, с 1511-ого года магистр) завершил Краковским миром (1525 г.) последнюю войну, которую Орден вёл против Польши (Рыцарская война 1520/1521–1525 гг.). Он получил от своего дяди, польского короля Сигизмунда I (1506–

1520/21–1525) beendet. Aus der Hand seines Onkels, des polnischen Königs Sigismund I. (1506–1548), hatte er den ehemaligen Ordensstaat als weltliches Herzogtum zu Lehen genommen. Das brachte schwerwiegende politische Implikationen mit sich. Der preußische Ordenstaat hatte zwar nicht zum Römisch-deutschen Reich gehört, doch hatte bislang stets eine enge politische Bindung des Hochmeisters ans Reich bestanden, vertieft durch den im Reich vertretenen Zweig des Ordens. Säkularisierung und förmliche Unterstellung des neuen Herzogtums unter Polen beendeten diese Situation. Sie führten zum Bruch Albrechts mit Kaiser und Reich, stärkten aber gleichzeitig seine Position im eigenen Land. Er führte nun auch offiziell die Reformation ein. Neigungen Albrechts zur Reformation sowie reformatorische Aktivitäten in Preußen hatte es freilich schon vorher gegeben. Seine Ehe (1526) mit der dänischen Prinzessin Dorothea (1504–1547) verlieh dieser Politik einen weiteren außenpolitischen Akzent. Näherete sich Albrecht doch damit bündnispolitisch der protestantischen Vormacht Nordeuropas.

Die bildungs- und kulturpolitischen Folgen dieser Vorgänge waren beträchtlich. Der nunmehr säkularisierte, protestantische Staat bedurfte eines weltlichen, insbesondere juristisch und philologisch-humanistisch (Latein) gut ausgebildeten Beamtentums sowie einer Pfarrerschaft, welche die neue Lehre vertreten konnte. Gipfelpunkt einer bildungspolitischen Erneuerung, die der veränderten Situation Rechnung trug, war nach Vorstößen zur Schulreform (1539) und der Gründung eines akademischen Gymnasiums („Partikular“ oder Paedagogium 1542) die Gründung der Universität Königsberg am 17. August 1544.

1548 гг.) светское герцогство – бывшее государство-орден – как ленное поместье. Это привело к серьёзным политическим последствиям. Хотя прусское государство-орден не относилось к Римско-немецкому рейху, существовала постоянная тесная политическая связь между магистром и рейхом, поскольку Орден располагал там многочисленными поместьями и являлся экспонентом кайзерской политики. Секуляризация и буквальное подчинение нового герцогства Польше привели к разрыву Альбрехта с кайзером и рейхом и одновременно укрепили позицию Альбрехта в своей стране. Он вёл – теперь уже официально – Реформацию. Склонность к Реформации, как и реформаторская активность в Пруссии, проявлялись у Альбрехта и раньше. Его брак (1526 г.) с датской принцессой Доротеей (1504–1547 гг.) придал его политике ещё один внешнеполитический акцент и сблизил его с протестантской господствующей силой Северной Европы. Образовательные и культурно-политические последствия этих изменений были значительны: секуляризованное протестантское государство нуждалось в светском, особенно юридически и гуманитарно-филологически (латынь) образованном чиновничестве и духовенстве, которое могло пропагандировать новое учение. Кульминацией образовательно-политического обновления, ставшего символом изменившейся ситуации после попыток проведения школьной реформы (1539) и после создания академической гимназии («Партикуляр» или Педагогийум 1542 г.), было основание Кёнигсбергского университета 17 августа 1544 г.

Новая высшая школа должна была носить такой же статус, как и другие созданные протестантские университеты в

Die neue Hochschule war zunächst als Landesuniversität konzipiert, wie auch andere neugegründete protestantische Universitäten (etwa Marburg 1527, Herborn 1584, Helmstedt 1576 oder Altdorf 1623). Legten es doch Rentabilitätsüberlegungen nahe, die akademische Ausbildung von künftigen Funktionsträgern im eigenen Land durchzuführen und sie insbesondere Landeskindern zu ermöglichen, die bisher auf ein kostspieligeres Studium im Ausland angewiesen waren (z. B. in Krakau). Besonderheiten ergaben sich hier allerdings aus der Bevölkerungsstruktur Preußens. Dies betraf insbesondere die Theologische Fakultät. Die neue Theologie beruhte einerseits, wie auch die anderen Fächer, auf humanistischen (lateinischen, griechischen und hebräischen) Studien, betonte aber andererseits die Verkündigung von Gottes Wort in der Volkssprache. Hier wurde es nötig, der Tatsache Rechnung zu tragen, daß Preußen ein mehrsprachiges Staatswesen war. Neben dem Deutschen waren Preußisch, Polnisch, Litauisch und Kurisch regional verbreitete Umgangssprachen.

Während der Deutsche Orden der sprachlichen oder ethnischen Zugehörigkeit seiner Untertanen indifferent gegenübergestanden hatte, begann unter Albrecht eine regelrechte Förderung der Minderheitenkulturen: insbesondere für litauisch- und polnischsprachige Landeskinder wurden Stipendien an der Universität eingerichtet. Die Entstehung des Litauischen und Polnischen Seminars an der Theologischen Fakultät zur sprachlichen Ausbildung von Pfarrern, die in den nordöstlichen und südlichen Landesteilen eingesetzt werden sollten, ging auf Albrecht zurück, ebenso wie die Anregung zur Übersetzung und zum Druck von Bibeln, Katechismen, Gesangbüchern, Kir-

Марбург (1527 г.), Герборне (1584 г.), Гельмштедте (1576 г.) или Альтдорфе (1623 г.). Соображения рентабельности требовали организации академического образования будущих функционеров в своей стране и его доступности, особенно для своих подданных, которые до сих пор вынужены были довольствоваться дорогостоящим обучением за границей, например, в Кракове. Были и свои особенности, вытекавшие из структуры населения Пруссии. Особенно это касалось теологического факультета. Новая теология покоилась, с одной стороны, также как и другие предметы, на гуманитарных (латинских, греческих и еврейских) исследованиях, но с другой стороны, акцентировала проповедование слова Божьего на родном языке. При этом стало необходимым учитывать тот факт, что Пруссия была многоязычным государством. Регионально распространёнными языками повседневного общения были, кроме немецкого, прусский, польский, литовский и куршский. Если Тевтонский орден равнодушно относился к языковой и этнической принадлежности своих подданных, то при Альбрехте началось настоящее поощрение культуры национальных меньшинств: особенно для литовских и польских студентов были введены стипендии. Основание литовского и польского семинаров при теологическом факультете для языкового обучения пасторов, которые в дальнейшем должны были работать в северо-восточной и южной части страны – тоже заслуга Альбрехта, как и идея перевода и публикации библии, Катехизиса, песенников, церковных ритуалов и литургических текстов на разных языках. Для многих языков, как и для вымершего в 17 веке прусского и для литовского, это обозначало их первую фиксацию в качестве

chenordnungen und liturgischen Texten. Für manche der betroffenen Sprachen, so das im 17. Jahrhundert dann doch ausgestorbene Prubische und das Litauische, bedeutete das die erste Fixierung als Schriftsprache überhaupt. Hier leistete die Königsberger Universität nicht nur einen bedeutenden Beitrag zur Sprachwissenschaft, sondern auch zur späteren Entwicklung von Nationalkulturen, andererseits aber zur Integration von nichtdeutschsprachigen Landeskindern (z. B. Masuren und Preußisch-Litauern) in den preußischen Staat.

Freilich war die neugegründete Hochschule von Anfang an mehr als eine reine Landesuniversität. Bereits die starke Betonung des litauischen und polnischen Elements in der akademischen Ausbildung, die notgedrungen über die Landesgrenzen ausstrahlte, verdeutlicht den überregionalen Charakter der Universität Königsberg seit ihrer Gründung. Daß die neue Hochschule von Anfang an internationales Gepräge erhielt, lag außerdem am allgemein internationalen Charakter akademischer Bildung im Zeitalter des Humanismus und nicht zuletzt an den besonderen politischen Begleitumständen der Gründung selbst. Da ist zunächst der bemerkenswerte Einfluß auf Gründung und Gestaltung der Universität durch Albrechts erste Gattin, Dorothea von Dänemark, hinzuweisen. Zum direkten Vorbild der neuen Hochschule wurde die von ihrem Bruder Christian III. von Dänemark (1503–1559, König seit 1535) veranlaßte, vom Wittenberger Stadtpfarrer und Mitarbeiter Luthers, Bugenhagen, durchgeführte Reformation der Universität Kopenhagen. Die Statuten der Königsberger Universität, von Philipp Melancthon (1497–1560) verfaßt, basierten auf denjenigen von Wittenberg und Frankfurt/Oder, die ihrerseits auf Padua und Bo-

письменного языка вообще. Здесь кёнигсбергский университет внёс не только значительный вклад в языкознание, но и в дальнейшее развитие национальных культур, а с другой стороны, и в интеграцию не немецкоязычной молодёжи (например, мазуров и прусских литовцев) в прусское государство.

Разумеется, что созданная высшая школа с самого начала была больше, чем просто герцогский университет. Уже один только акцент на литовском и польском элементах в академическом обучении, который имел невольный резонанс и за пределами герцогства, наглядно подчёркивает межрегиональный характер кёнигсбергского университета, начиная с его основания. Причины того, что новая высшая школа с самого начала имела интернациональную ориентацию, заключались в интернациональном характере академического образования в век гуманизма и в тех особенных политических обстоятельствах, сопутствовавших образованию университета. Здесь следует указать, в первую очередь на значительное влияние на основание и формирование университета первой жены Альбрехта, Доротеи Датской. Образцом новой высшей школы стала реформация копенгагенского университета, предложенная её братом, Христианом III Датским (1503–1559 гг., король с 1535 г.) и проведённая виттенбергским городским пастором и сподвижником Лютера Бугенгагеном. Устав кёнигсбергского университета, сформулированный Филиппом Меланктоном (1497–1560 гг.), базировался на уставах университетов в Виттенберге и во Франкфурте-на-Одере, которые ссылались на уставы университетов в Падуе и в Болоне. Так как в протестантском университете по конфессиональным и политическим причинам невозможно было

logna zurückgehen. Da für eine protestantische Universität die zur Gültigkeit akademischer Grade benötigte Privilegierung durch Papst oder Kaiser aus konfessionellen bzw. politischen Gründen nicht zu erhalten war, nahm man den Lehrbetrieb, hierin dem Vorbild Marburg/Lahn folgend, zunächst ohne sie auf, um sie 1560 durch den polnischen König Sigismund II. August (1548–1572) vornehmen zu lassen. Er folgte bei der Ausfertigung seines Dokuments dem Vorbild der Privilegierung der Universität Krakau.

Der Aufruf zur Studienaufnahme erging an die Universitätsorte aller Nachbarstaaten, in die protestantischen Länder Skandinaviens und des Reichs, insbesondere aber nach Polen und Litauen. Getreu dem in seinem Gründungsauftrag formulierten Anliegen, nicht nur dem Land selbst, sondern gerade auch den Nachbarvölkern zu nutzen, veranlaßte Herzog Albrecht die Berufung sowohl deutscher und westeuropäischer Dozenten (z. B. des Niederländers Gnapheus) als auch litauischer und polnischer Professoren (Culvensis, Repagellan, Seklucjan). Zahlreiche Stipendien standen insbesondere litauischen und polnischen Studenten, Landeskindern wie Ausländern zur Verfügung. Im 16. Jahrhundert wurde die Universität Königsberg so ein wichtiger Bestandteil der Hochschul Landschaft im Ostseeraum, die Stadt ein Ort der Vermittlung westeuropäisch-protestantisch geprägter Wissenschaft und der zentrale Hochschulort für Protestanten aus Ostmitteleuropa.

Die innere Organisation entsprach bis zur Reformperiode zu Beginn des 19. Jahrhunderts dem überkommenen Bild einer mittelalterlichen Universität. Es gab die bekannten vier Fakultäten – in ihrer Rangfolge: Theologische, Juristische, Medizinische (die höheren Fakultäten)

получить от римского папы и от кайзера необходимую привилегию для действительности академической степени, преподаватели принимались по примеру Марбургского университета без таковой. Привилегизация была осуществлена в 1560-ом году польским королём Сигизмундом II Августом (1548–1572 гг.): при разработке своего документа он взял в качестве образца привилегизацию университета в Кракове.

Молва о приёме студентов в кёнигсбергский университет прошла по университетам соседних государств, по протестантским государствам Скандинавии и по рейху, особенно по Польше и Литве. Верный сформулированному в положении об основании университета призыву приносить пользу не только своей стране, но и соседним народам, герцог Альбрехт приказал назначить как немецких, так и западноевропейских доцентов (например, Гнафаеус из Нидерландов), так и литовских и польских профессоров (Нульвенсис, Репагеллан, Секлуциан). Многочисленные стипендии предоставлялись, в первую очередь, литовским и польским студентам, как поданным, так и иностранцам. Так кёнигсбергский университет стал в 16-ом веке важнейшей составной частью университетского образования прибалтийских стран, а город стал местом распространения западноевропейской науки в протестантском духе и местом университетского образования всей восточной части Центральной Европы.

До проведённой в начале 19-ого века реформы внутренняя структура университета соответствовала типичной картине средневекового университета. Существовало четыре основных факультета, перечисленных ниже по степени важности: теологический, юридический, медицинский (т. е. высшие факультеты) и

und, als Vorstufe dazu, die Philosophische Fakultät. Letztere, nach den sieben *artes liberales* (den „freien Künsten“) auch „Artistenfakultät“ genannt, gliederte sich an der Königsberger Universität in das *trivium* („dreifacher Weg“) mit den „trivialen“ Fächern 1. Rhetorik (mit Geschichte), 2. Grammatik (Griechisch/Lateinisch), 3. Dialektik und in das *quadrivium* („vierfacher Weg“), bestehend aus 4. Literatur, 5. Mathematik (mit Hebräisch!), 6. Physik und 7. Biologie; alle Fächer wurden nach antiken Autoren gelehrt; die höheren Fakultäten wurden mit der Promotion zum Doktor, die philosophische Fakultät mit der Magisterpromotion abgeschlossen (erste Magisterpromotion 1548, erste Doktorpromotionen erst 1640).

An der Spitze stand der Rektor. Er wurde anfangs auf Lebenszeit vom Herzog ernannt, dann periodisch vom Senat gewählt. Im 18. Jahrhundert war es der Landesherr selbst bzw. der Kronprinz als dessen Stellvertreter. An der Spitze der Fakultäten standen die Dekane und ihre Stellvertreter, die Prodekane. Oberstes Gremium von Verwaltung und Jurisdiktion der Universität war der Senat. Als vollkommen eigenständige Körperschaft unterstand sie nur dem Landesherrn, nicht aber städtischen oder landständischen Organen. Bedeutete doch der aus dem Mittelalter überkommene Begriff „Universität“ – anders als unser moderner Begriff, der letztlich nur die Gemeinschaft von Lehrenden, Forschenden und Studierenden beinhaltet – die Gesamtheit (lat. *universitas*) aller Menschen, die durch dasselbe Privileg von allgemein üblichen Gesetzen und Auflagen (z.B. Steuern, Abgaben, Diensten) ausgenommen („eximiert“) waren und so eine besondere, privilegierte, Rechtsgemeinschaft bildeten.

подготовительный к ним факультет – философский. Последний и назывался «артистическим», соответственно преподаваемым там предметам, т. н. *artes liberales* (Свободные искусства), которых было семь. Они подразделялись на Тривиум («Тройной путь») и на Квадривиум. Это были «тривиальные» предметы – риторика, которая преподавалась вместе с историей, грамматика (греческого и латынского языков), диалектика и четыре предмета Квадривиума («Четырёхкратный путь») – литература, преподававшаяся вместе с еврейским языком, математика, физика и биология. Все эти предметы изучались по материалам древних авторов. Учёбу на высших факультетах заканчивали присвоением докторской степени, а на философском – присвоением звания магистра, которое впервые появилось в то время (первое присвоение магистерской степени – 1548 г.; первое присвоение докторской степени – только 1640 г.).

Во главе университета стоял ректор, вначале пожизненно назначаемый герцогом, потом периодически избираемый Сенатом. В 18-ом веке ректором становится сам глава государства, а кронпринц, – его заместителем. Во главе факультетов были деканы и их заместители – продеканы. Высшим управленческим и юридическим органом университета был Сенат. Как совершенно самостоятельный орган, он подчинялся только главе государства, а не городским или сословным органам. Сохранившийся из средних веков термин «университет» не соответствовал нашему современному понятию «сообщество обучающихся, исследующих и обучающихся», а обозначал единство (от лат. *universitas*) всех людей, которые благодаря равным привилегиям составляли исключение из обычных законов и обя-

Die Privilegierung der Universität umfaßte dementsprechend alle Lebensbereiche: Rektor und Senat waren nicht nur Oberhäupter der inneruniversitären Verwaltung, sondern oberstes Gericht nicht nur in Fällen der Statutar- und Disziplinargerichtsbarkeit. In die Zuständigkeit der genannten Universitätsorgane fielen vielmehr auch alle privat- und strafrechtlichen Belange (bis hin zu Kapitalverbrechen), sofern Universitätsangehörige betroffen waren. Zu diesen zählten neben Studenten und Professoren (den eigentlichen „akademischen Bürgern“, lat. *cives academici*) mitsamt ihren Familien und ihrem Gesinde alle Universitätsbediensteten bis hin zum allerletzten Hausdiener, aber auch die Geistlichkeit, Ärzte- und Apothekerschaft Königsbergs – bei den drei letztgenannten Gruppen waren Überschneidungen mit der Dozentschaft nicht selten – ferner alle Buchdrucker und -händler sowie die Hörigen der Universitätsgüter (der Dörfer Thalheim und Wangeningken).

Grundsätzlich erledigten die Universitätsorgane auch die Verwaltung der Finanzen selbst. Finanziert wurden die laufenden Kosten der Hochschule, insbesondere die Besoldung der Dozenten, vor allem aus den Einkünften des Amtes Fischhausen und der genannten Universitätsgüter – für diese Orte war die Universität solchermaßen der feudale Grundherr –, ferner aus Stiftungen zugunsten von Professoren und Studenten (Stipendien und Freitische) und den üblichen Einkünften (Studien-, Prüfungs- und Gerichtsgebühren sowie Geldstrafen zugunsten der Universitätskasse).

занностей (например, налоги, вычеты, служба) и, таким образом, составляли особую юридическую группу.

Привилегизация университета соответственно охватывала все области жизни: ректор и сенат были главой университетского управления и высшим судом не только в случаях нарушения устава и дисциплины. В их компетенцию входило намного больше – вплоть до гражданских и уголовных преступлений, если это касалось университетских сотрудников. К ним относились не только студенты и профессора («академические граждане» от лат. *cives academici*) вместе с их семьями и слугами и весь обслуживающий персонал университета, но и духовенство, врачи и аптекари Кёнигсберга (последние три вышеперечисленные группы нередко совмещали свою основную деятельность с преподавательской), и наконец, все печатники и книгопродавцы, а также подданные университетских поместий в сёлах Тальхайм и Вангенингкен.

Обычно университетские органы занимались и финансовыми вопросами, оплачивали текущие расходы университета, особенно зарплату доцентам, из дотации суверена, в частности, из доходов округа Фишхаузен и вышеназванных университетских угодий. Для этих сёл университет, таким образом, являлся помещиком. Кроме того, из фондов помощи профессорам и студентам были финансированы стипендии и малоимущим студентам, бесплатное обеспечение в столовых. Из других обычных доходов (оплата за обучение, экзамены и судебные издержки, как и денежные штрафы в пользу университетской казны) университет также покрывал свои текущие расходы.

„Aberglaube, Alchimie und Aristoteles ...“

Die wissenschaftliche Entwicklung der Königsberger Universität blieb bis zum Beginn des 19. Jahrhunderts und z.T. sogar noch darüber hinaus durch die Tatsache geprägt, daß es sich hier um eine protestantische, genauer: lutherische Hochschule handelte. Ihr erster Rektor war nicht ohne Grund Georg Sabinus (1508–1560), ein Schwiegersohn Philipp Melanchthons. Sein verhältnismäßig früher Rücktritt ist zwar noch nicht auf die Auseinandersetzung um die „rechte Lehre“ zurückzuführen, sondern auf materielle Rivalitäten und Konflikte mit der übrigen Professenschaft. Die ergaben sich aus der ausgesprochen exponierten Stellung des Rektors. War er doch auf Lebenszeit ernannt und bezog er doch ein erheblich höheres Einkommen als die übrigen Professoren, während seine Lehrverpflichtungen diejenigen anderer Dozenten keineswegs überstiegen. Wie auch andernorts forderte das Zeitalter des Konfessionalismus in Königsberg seinen Tribut: Nahezu das gesamte 16. und 17. Jahrhundert waren von Auseinandersetzungen überschattet, die hier ihren Ursprung haben. Dabei ging es zunächst um eine Abgrenzung nach außen gegenüber der römisch-katholischen Kirche sowie gegen andere protestantische Bekenntnisse, namentlich den Calvinismus und den Antitrinitarismus. Hatten doch die genannten drei Konfessionen gerade im polnisch-litauischen Einzugsgebiet der Albertina – wie die Königsberger Universität seit dem 17. Jahrhundert allgemein genannt wurde – im Zuge der Gegenreformation und der konfessionellen Ausrichtung der polnischen Protestanten am Calvinismus in dieser Zeit erhebliche Erfolge zu verzeichnen. In direkter Nach-

„Суеверия, алхимия и Аристотель...“

На научное развитие кёнигсбергского университета до начала 19-ого века – частично и позднее – наложило отпечаток тот факт, что это была протестантская, а точнее, лютеранская высшая школа. Его первым ректором неспроста был Георг Сабинус, зять Филиппа Меланхтона. Его необычно быстрая отставка была связана не со спорами о «настоящем учении», а с материальным соперничеством и конфликтами с профессорским составом. Конфликты вытекали из особого положения ректора: его ведь назначали пожизненно и он получал значительно большую оплату, чем остальные профессора, хотя его преподавательские обязанности ни в коем случае не превосходили обязанности других доцентов.

Как и везде, век конфессионализма и в Кёнигсберге требовал своих жертв: почти весь 16 и 17 века были омрачены столкновениями, причины которых имели своё начало именно в Кёнигсберге. При этом речь шла, в первую очередь, о внешнем ограничении как от римско-католической церкви, так и от других протестантских течений, как например, кальвинизм и антитринитаризм. Именно эти три вышеназванные конфессии в это время пользовались среди студентов из польско-литовского региона Альбертины, в ходе контрреформации и конфессиональной ориентации польских протестантов в сторону кальвинизма, довольно большим успехом. У кёнигсбергского университета возникли по соседству конкуренты: Осиянум в варминском Браунсберге (1641 г.) и Вильнюсский университет (1578 г.). Оба были новыми учебными заведениями, опекаемыми иезуитами. Принадлежность новых герцогов к кальвинизму (с

barschaft waren der Königsberger Universität Konkurrentinnen in Form der Akademie in Wilna (gegr. 1578) und des Hosianum im ermländischen Braunsberg (gegr. 1641) entstanden. Beide waren gegenreformatorische, von Jesuiten betreute Gründungen. Die Zugehörigkeit der neuen Landesherrn zum Calvinismus (seit 1621 auch in Preußen aus der kurfürstlich-brandenburgischen Hauptlinie des Hauses Hohenzollern) mag dann im 17. Jahrhundert zusätzlich dazu beigetragen haben, daß die Angehörigen der lutherischen Landesuniversität um so eifersüchtiger auf die Einhaltung der innerkonfessionellen Orthodoxie ihres Bekenntnisses achteten.

Beispiele für das Wirken einer solchen Geisteshaltung sind noch im 16. Jahrhundert das Schicksal Andreas Osianders (1498–1552). Als Reformator Nürnbergs hatte er Herzog Albrechts Hinwendung zum Protestantismus entscheidend beeinflusst, war aber als Professor der Königsberger Universität (seit 1549) wegen seiner vom strengen Luthertum abweichenden Haltung härtesten Angriffen ausgesetzt. Im Zuge dieses wissenschaftlichen, theologisch-dogmatischen Streits wurde ein Verwandter Osianders 1566 sogar hingerichtet.

Im 17. Jahrhundert taten sich hier besonders die Theologen Mathias Behm, Coelestin Myslenta (ein Masure polnischer Muttersprache) und Abraham Calovius als unbarmherzige Eiferer gegen tatsächlich oder vermeintlich in ihrer Lehrmeinung abweichende Kollegen hervor, gegen die „calvinische Rotte“, die Sozianer (auch Unitarier oder Antitrinitarier, sie lehnen die Dreieinigkeit Gottes ab) und die sogenannten Synkretisten, die die Gemeinsamkeiten aller christlichen Konfessionen betonten und daher im Verdacht standen zu „katholisieren“. Die

1621 года и в Пруссии по кюрфюрстской бранденбургской основной линии дома Гогенцоллернов) способствовало в 17-ом веке тому, что сторонники лютеранского университета ещё ревностнее соблюдали внутриконфессиональную ортодоксальность своей веры.

Примером воздействия такой духовной позиции в 16-ом веке может служить судьба Андреаса Осиандера. Как реформатор города Нюрнберга он оказал решающее влияние на приобщение герцога Альбрехта к протестантизму, но как ректор Кёнигсбергского университета он подвергся жесточайшим обвинениям из-за отклонения от строгого лютеранства. В ходе этого научного, теологически-догматического спора один из родственников Осиандера даже был казнён.

В 17-ом веке в качестве беспощадных ревнителей веры и преследователей всех действительных и мнимых отклонений своих коллег от учения выступали Матиас Бем, Кёлестин Мыслента (мазур, родной язык которого был польский) и Абраам Каловиус. Они выступали также против «кальвинистской шайки», против социанистов и унитаров или антитринитатов, которые отвергали триединство Бога, и против т. н. синкретистов, которые делали акцент на общности всех конфессий, за что их подозревали в попытке «католизации». Подвергавшиеся нападкам почти всегда платили той же монетой.

В то же время самый большой конфессиональный спор века – 30-летняя война – счастливым образом, почти не коснулся Пруссии. И если почти у всех университетов рейха из-за войны уменьшилось число студентов, что ставило под угрозу их существование, Альбертина в это время переживает заметный расцвет именно потому, что Кёнигсберг на-

Ангрешенен зхлтен фрелчх зуеуст ин глечхер Мунзе хем.

Дабел гинг дле грое конфешюнелле Аушенандерсетзунг дес Яхрхундертс – дер Дреелблгелхрел Крелг – глелкчхервейсе нхезу ан Преушен вобел. Велрелнд фаст alle Унверслтелтен дес Релчс Крелгсбелдлнгт Релкгелнге вон Студентензелхлен хиннехмен мушен, дле сел з.Т. ин Ехстензнут брхчен, ерелбте дле Албертлна елен бетрелчтлчхел Ауфсхвунг, велл Келнгсберг ебен аушерхлб дес елгнтлчхел Крелгсгебелтс лг ан десwegen инсбелсудере фур Студентен аус дем Релч аттрелктув вар.

Денночх велрелф дас унверслтелле Лелбен келнесwege аушерхлб дес поллтлчхел Зелтгешехенс. Дле Албертлна блелб зувар вон ден Елнвелрктунгел дес Дреелблгелхрен Крелгес verschont, wurde aber von anderen млтелрелтлрелшхел Аушенандерсетзунгел дхфур ум со стлркер бетрелфтен. Дер ерше Нордлше Крелг брхчене нлчт нур шведлше Труппен инс Лхнд, sondern belastete gerade Унверслтелтсангелхрелге schwer. Убер ден Фрелденсшлуф хинаус конnten келне Профессоренгелхелтер гезхлт werden. Дле им Унверслтелтспрелवलге гарелнтелте Белфреллуенгел дер Унверслтелтсангелхрелген вон крелгсбелдлнгтен Сондерлуфвендунгел (Контрубуцлонен) мушене аусгелсетзт werden.

Хлнзу кхмен Конфлктел млт дем Лхндешеррен. 1621 var, nach dem Аусстербен дес преушенлшен – лутерлшен – Зелвлс дер фрлнклшен Ллнле дер Хохензеллерн дер реформелрте Курфурст Георг Влльхелм вон Бранденбург млт дем Херцогтум белхнт worden. Елнгрлффе дер neuen Лхндешеррен ин дас innerunверслтелле Лелбен хлуften слч, инсбелсудере аугрунд дес Конфешюнсунтершедес вон Стлnden und Унверслтелт ауг дер еленен Селте und дем Лхндешеррен ауг дер anderen Селте. Дхрелбер хинаус var хлр ауг лхндешеррл-

холдлсх вне релюна непосредственнх военных действлел и поуэотум особенно прелвелкел студентен релйхх.

И все же нелзля, сказхте что унверслтелтсхх ллзнь протелкхл вне поллтлчхелслх событий своего времени. Албертлны не консулелсл послелдствелн Трлдцелтелтней вонны, но тем слльнее сказхлслсь нх унверслтелте другле военные релногласлел. Первхх Севернхх воннх не толкю прелвеллх в Прусслю шведлше вонксх, но и тхжелым бременем леглх нх унверслтелтсклел состав. После заклученлх млрх профессорам не выплхчлवलось жхловхнье, а от гарелнтлрелванного унверслтелтсклел прелवलгеелнх ослободженлх от особхх релсходов (контрубуцлонен), вызваннхх воннх, прелшлось откхзуслсь.

К тому же вознлклел конфлктел мекду князьелм; в 1621-ом году, после того, как вымерлх прусско-лутерхнскхх ветвь фрхнквонской ллнле Гогензеллеров, курфюрст Георг Влльхелм Бранденбургсклел, прелнхвлшлх кхльवलнлзм, получлх герцогство как ленное поместьел. Вмешхтельство новых хозелрев землел в унверслтелтскую ллзнь прелслходлло все чхще, особенно по прелчлне конфешюнелльнхх релзлчлелх у сословлел и унверслтелте, с одной стороны, и у герцога с другой стороны. Кроме того, дхवलло о себе знхть стремленле герцога к господству в абсолютлстском смысле в то время, как сословлел и унверслтелт, лслпользуя сложную правовую слтухцлону Прусслел, лскхлел полддержну у польского короля, так как герцогство все ещене было польсклелм ленным поместьем.

Нх более дллтельнхх перелод этх поллтлчхх была бы дле унверслтелте малолуспешной: Олвлсклел млр (1660 г.) прелнелс Прусслел суверелнтелт. Герцогство вышло из-под польского влелнхнл. Кур-

чхр Селте дхс Бестребен нхх Дурчсетзунг вон Херршхфт им абсолютлстлчхел Слнн зу спурен, вхлрелнд Стлnde und Унверслтелт, дле конпллзлрелте стххтсрелчтлчхел Слтухцлону Преушенс нутзелнд, Анелхнунг белм полнлшхел Келнг сухчен. Вар doch дхс Херцогтум нхх иммер полнлшхел Лелбен.

Ауг лхнге Слчт var дхс нлчт ерелфгелчх, denn дер Фрелде вон Олвлх (1660) брхчене дле Souverlрелнтелт Преушенс. Дхс Херцогтум слхед аус дем полнлшхел Лелбнсвербхнд аус. Фрелдрлчх Влльхелм (дер Грое Курфурст) коннте нун дархнгелх, слелнен Абсолютлзм gegen дле преушенлшен Стлnde uneingeschrлнкт дурчзуслтен. Шлелблчхел фхнд слч дле Krone Polen 1700 белрелт, дер Krцnung дес Курфурстен Фрелдрлчх III. zum Kцnлг „ln Преушен“ (1701) зуzustimmen.

Фреллчх ххте слч дле Унверслтелт schon vorher им Слнн дес Лхндешеррен lnstrumentеллслзлреллен лхссел: Аус Анлхф дер Фелер дес елнхундертелхрелгелнхх Jublllums дер Унверслтелт – дер Грое Курфурст ххте дхс Fest persцnлчхел аугеорднет – wurde Херцог Албрехт вон Профессор дер Poesle Simon Dach 1644 als *Prusslрелrchus*, „Херршхер Преушенс“, verherrlчхт, als елн Лхндешерр, дер alten Glаuben und reхкцлнlрел Ordensherршхфт убервонден und Преушен als modernem Stххт ден Trлumph дер Wlssenschхфт ермцгллчхт ххте. Дхмлт var wенлгел елне „коррелкте“ Слчтвейсе дер хлсторлчхел Ерелнлссел безвеккт als елне allegorлше Безугнххне ауг ден актуеллен Херршхер Преушенс, ден бранденбурглшен Курфурстен. Дле Jubelfелер дер Унверслтелт wurde со бароккелм Зелтгелст ентспрелчхел, зу Селбстдхрелстеллуен елнх слч ln зуnehmendem Мхфе als absolut verstелхенден Лхндешерршхфт.

Бароккелм Зелтгелст ентспрхчен аусхх мхтереллел Зуwendungen грцххерцлгер

фюрст Фрелдрлчх Влльхелм смог, тхчелм образом, протлवलпостхवलте свою неогрелнлчхенную абсолютлстскую влшь пруссклелм сословлелм. И, в конце концов, в 1700-ом году польскхх коронх соглхслслсь нх коронхцлону курфюрста Фрелдрлчх III королем «в Прусслел».

Унверслтелт ещене релрелмелнл слелне влзглхду в пользу герцога: по поводу прелздновхнлел 100-летнего юбеллеу унверслтелте, который был прелведен по ллчнху инлцлхтлвелне курфюрста, герцог Албрехт был воспет в 1644-ом году профессором поуэеллел Слмонем Дххом как «Prusslрелrchus» («основхтель Прусслел»), как повеллтель, преодолелвшлх старую веру и рехкцлоннху вremen господствх Орденх, прелвратлवलшлх Прусслю в современное государство, сделхवलшлх возмцжнххм трлумф наукл. Этх был не столько «коррелктнхх» влзглд нх исторлчхескел события, сколько прославленле в аллегорлчхеской форме нхходлवलшегося в дхнный момент у влштел повеллтеля Прусслел, курфюрста Бранденбургского. Юбеллеу унверслтелте в стлле барокко стхл, тхчелм образом, самопрославленлем курфюрста, действовхवलшего во все болльшей мере в абсолютлстском духе.

Веку барокко соотвелствовхлел и мхтереллхлне дотхцлел веллкодущнхх спонсоров и меценатов. Здесь особенно слелудет отелметлть Мартлнх фон Вхлленродтх и его сына Иогхннх Эрнстх фон Вхлленродтх (1570–1632 гг.; 1615–1697 гг.). Фонд, блхгодхрелх которому вознлклх Вхлленродтскхх блблелотекх в бхшне соборх, был прелпосылкю дле прелвоненлел целенхпрелвлненнхх лслследовхтельсклелх рхботх в унверслтелте. У схмого унверслтелте была очелн слкромнхх по тем вremen блблелотекх. Князь Богуслवल Рхдзлवल (1620–1699 г.), послелднхх отпрыск евангеллчхеской ветвл

Spender und Mäzene. Hier sind insbesondere Martin und sein Sohn Johann Ernst von Wallenrodt (1570–1632 bzw. 1615–1697) zu nennen. Mit ihren Stiftungen, aus der 1650 die „Wallenrodtsche Bibliothek“ im Schloßturn hervorging, schufen sie wesentliche Voraussetzungen für gezielte Forschungsarbeit an der Universität, verfügte doch die Hochschule selbst nur über eine auch für damalige Verhältnisse eher bescheidene Bibliothek. Fürst Boguslaw Radziwill (1620–1669), letzter Sproß des evangelischen Zweiges der bekannten polnischen Magnatenfamilie und kurfürstlich-brandenburgischer Statthalter in Preußen, ließ seinen Nachlaß der Universität zukommen: darunter befand sich u.a. der Radziwill-Codex, eine besonders wegen ihrer Illustrationen bekannte Handschrift der Nestorchronik, eines der ältesten Denkmale der russischen Sprache aus dem Mittelalter.

Die geistige Entwicklung der Universität hielt mit der materiellen keineswegs Schritt. Die Forschungsergebnisse blieben in allen Fakultäten im Bereich des zeitlich Mittelmaßigen: Neben theologischen Streitigkeiten sind „Aberglaube, Alchimie, Aristoteles, [...] im wesentlichen die beherrschenden Kräfte des Zeitalters [...]“ (G. v. Selle, S.105). Selle spielt hier auf die zu dieser Zeit „modische“, sehr mechanische Aristoteles-Rezeption an. Die Auseinandersetzung mit den großen Denkern des 17. Jahrhunderts, mit Grotius etwa oder Descartes, fanden in Königsberg nur am Rande statt. Und auch die Leistungen Königsberger Dozenten des 17. Jahrhunderts, die bis heute Bestand haben, standen eher in indirekter Verbindung zur Universität: Simon Dach war zwar Professor der Poesie, sein dichterisches Werk – insbesondere seine Tätigkeit in der Dichtervereinigung „Kürbis-

известной польской семьи магнатов и курфюрстско-бранденбургский наместник Пруссии, оставил своё наследство университету: среди прочего там находился т. н. Радзивилов кодекс – рукопись, особенно известная своими иллюстрациями к «Повести временных лет», одному из старейших памятников древнерусской письменности.

Духовное развитие университета не поспевало за материальным. Результаты исследований на всех факультетах оставались на среднем уровне своего века: наряду с теологическими спорами стали «основными господствующими силами века суеверия, алхимия и Аристотель...» (Г. гон Зелле, стр. 105). Зелле намекает на модную в то время механическую рецепцию аристотелевской теории о восприятии мира. Великих мыслителей 17-ого века Гроциуса и Декарта в Кёнигсберге почти не изучали. И успехи кёнигсбергских учёных 17-ого века, имеющие определённое значение до сегодняшнего дня, не были напрямую связаны с университетом. Симон Дах был профессором поэзии, но его стихотворные произведения, особенно его деятельность в поэтическом обществе «Kuerbishuette» («Тыквенный домик») протекала помимо преподавательской деятельности. Кёнигсбержец Харткнох учился и некоторое время преподавал в Альбертине, но написал своё главное произведение будучи профессором гимназии в Торне. Эта была первая история Пруссии, которая является началом исторических исследований в Пруссии. Хотя она и издана ещё в 17-ом веке, она была уже мостом в 18-ый век, в течении которого эти исследования в Кёнигсберге должны были развиваться.

Университетские, особенно студенческие будни, по своей сути нам сегодняжутся чуждыми. К церемонии приёма

hütte“ – entstand außerhalb seiner Lehrtätigkeit. Der Königsberger Hartknoch studierte und lehrte zwar kurze Zeit an der Albertina, verfaßte sein Hauptwerk aber als Gymnasialprofessor in Thorn. Diese Landesgeschichte Preußens stellt den Anfang preußischer landesgeschichtlicher Forschung dar. Obwohl noch im 17. Jahrhundert verfaßt, leitet sie schon ins 18. Jahrhundert über, in dessen Verlauf sich diese Forschung in Königsberg entfalten und etablieren sollte.

Der universitäre, insbesondere studentische Alltag war in dieser Zeit von Verhaltens- und Umgangsformen geprägt, die uns heute fremdartig erscheinen. Zur offiziellen Aufnahmezeremonie auch der Königsberger Universität zählte neben der Immatrikulation bis ins 18. Jahrhundert die *Deposition*, eine für jeden neuen Studenten obligatorische, außerordentlich demütigende und dazu kostspielige Prozedur, in dem der Betroffene drastisch-symbolisch von seinem vorwissenschaftlichen Dasein „gereinigt“ wurde. Im Zusammenhang damit entwickelte sich der sogenannte Pennalismus (vom neulateinischen „Pennal“ = Federbüchse; Oberschüler, angehender Student) der letztlich nichts anderes als ein despotisches, mitunter gewaltsames Abhängigkeitsverhältnis bezeichnete, das ältere Semester (*Schoristen*, von dt. *scheren*, weil sie Erstsemester „schoren“, d. h. finanziell schädigten) den neuen Studenten im ersten Studienjahr aufzwingen. Hierbei spielten wiederum die *Nationalkollegien* eine große Rolle, die ihre Mitglieder – ebenfalls zwangsweise – zu organisieren trachteten.

Diese z.T. inoffiziellen, mitunter illegalen, im Verlauf des 17. Jahrhunderts wiederholt verbotenen Studentenvereinigungen wurden so genannt nach den vier Universitätsnationen, in die, wie an allen alten

в кёнигсбергский университет относилась кроме имматрикуляции, вплоть до 18-ого века и т. н. депозиция, обязательная, унижительная, и к тому же, дорогостоящая для новых студентов процедура, во время которой они в сугубо символическом смысле «очищались» от своего доуниверситетского существования. В связи с этим развивался и т. н. «пеннализм» (от новолатинского «pen-na» = пенал для перьев, т. е. старший школьник, младшенкурсник), который представлял собой нечто иное, как деспотическую, подчас жестокую, зависимость младшенкурсников от старшенкурсников («шористов», от немецкого «scheren», что обозначает «стричь» кого-л., а в переносном смысле «отбирать у кого-л. деньги»), насильно навязываемый новичкам ритуал. При этом большую роль играли т. н. национальные коллегии: это были большей частью неофициальные, иногда даже подпольные студенческие общества, которые пытались организовать своих членов – опять же насильственно – по «национальному», т. е. земляческому принципу.

Как это в то время было принято во всех традиционных университетах, студенчество Альбертины подразделялось, соответственно четырём странам света. Университетскими нациями в Кёнигсберге являлись пруссаки (наряду со студентами из прусского герцогства к ним относились поляки, литовцы, ливонцы, курляндцы), померанцы (включая студентов из Бранденбурга, Мекленбурга и Гольштейна), вестфальцы (т. е. студенты из Брауншвейга, Люнебурга, из Нидерландов, Фризы, а также студенты из всей северо-западной Германии) и силезцы (это были студенты из всей южной части Германии, из Австрии, Чехии, Словакии, Венгрии и Трансильвании).

Все эти явления в 17-ом веке заняли

Universitäten üblich, auch die Studentenschaft der Albertina zunächst ganz offiziell eingeteilt war: Grob den vier Himmelsrichtungen entsprechend waren es in Königsberg die Universitätsnationen der *Preußen* (neben Studenten aus dem Herzogtum Preußen auch Polen, Litauer, Livländer und Kurländer), *Pommern* (hierzu gehörten auch Studenten aus Brandenburg, Mecklenburg und Holstein), *Westfalen* (auch Braunschweiger, Lüneburger, Friesen, sowie ganz Nordwestdeutschland) und *Schlesier* (auch ganz Süddeutschland, Österreich, Böhmen, Mähren, Ungarn, Siebenbürgen). Pennalismus, Schoristen und Nationalkollegien bildeten insbesondere im 17. Jahrhundert das größte Ärgernis des Königsberger Universitätslebens, waren doch Studenten von der allgemeinen Rechtsprechung ausgenommen: hier lag der Keim zu ständigen Konflikten mit der Bürgerschaft, die sich von bloßen Raufhändeln und Duellen bis zu Gewaltverbrechen steigern konnten. Fälle von Vergewaltigung, Raub, Totschlag, Mord waren zwar nicht unbedingt an der Tagesordnung, aber doch erschreckend häufig.

„... ein schicklicher Platz zur Erweiterung sowohl der Menschenkenntnis als auch der Weltkenntnis.“

Im 18. Jahrhundert entwickelte sich die Universität Königsberg zu ihrer größten Bedeutung in wissenschaftlich-kultureller Hinsicht. Das „Königsberger Jahrhundert“ sollte maßgeblich von Persönlichkeiten geprägt werden, die hier lehrten, forschten oder zumindest ihre Ausbildung erhielten und der Universität zu einer Ausstrahlung verhalfen, die weit über die preußischen Landesgrenzen hinausging. Allein der Name **Immanuel Kant** brachte der Königsberger Universität

sein eigenes место и в университетской жизни Кёнигсберга, но на студентов не распространялись общие законы – это было источником постоянных конфликтов с населением, которые могли превращаться из драк и дуэлей в насилия или убийства. Изнасилования, грабежи, убийства не были в порядке вещей, но происходили всё же довольно часто.

«... пристойное место для расширения знаний о человеке и о мире.»

В 18-ом веке Кёнигсбергский университет достиг в научном и культурном смысле своих наибольших высот. Т. н. «Кёнигсбергский век» освещён именами известных личностей, которые преподавали, вели научные исследования или, по крайней мере, получили образование в университете и способствовали его славе далеко за пределами Пруссии одно только имя Иммануила Канта принесло Кёнигсбергскому университету ещё при его жизни мировую славу. Наряду с ним нужно упомянуть имена Готшета, Флотвелла, Гамана, Гердера и Е. Т. А. Гофмана. В университете проводились также краеведческие, историко-географические, историко-литературные исследования данного региона, и исследования по истории университета в современном смысле. Разработки Харткноха развили и дополнили Либиенталь, Арнольд, Гольдбек, Пизански и Бачко.

Эпоха Просвещения оказалась самой влиятельной в духовно-историческом смысле, в своей рецепции, дальнейшем развитии, собственной интерпретации и в критике кёнигсбергских ученых. Значение Кёнигсбергского университета и его история в 18-ом веке соответствовали изменившимся политическим условиям: высшая школа стала университетом го-

schon zu seinen Lebzeiten Weltruhm. Neben ihm seien die Namen von Gottsched, Flottwell, Hamann, Herder und E. T. A. Hoffmann genannt. Ebenfalls von der Universität ging eine eher regional bezogene landesgeschichtliche, landeskundliche, universitätsgeschichtliche und literaturhistorische Forschung im modernen Sinn aus. Auf Hartknochs Vorarbeiten aufbauend wirkten hier Lilienthal, Arnoldt, Goldbeck, Pisanski und Baczko.

Als geistesgeschichtlich am einflussreichsten erwies sich die Aufklärung in ihrer Rezeption, Weiterentwicklung, eigenständigen Gestaltung und schließlich in der Kritik Königsberger Gelehrter. Die Bedeutung der Königsberger Universität und ihre Entwicklung im 18. Jahrhundert entsprach dabei den veränderten politischen Rahmenbedingungen. Die Hochschule wurde jetzt Landesuniversität eines Staates, der im 18. Jahrhundert zur europäischen Mittelmacht aufstieg. In die damit verbundenen politisch-militärischen Auseinandersetzungen war die Albertina z. T. direkt einbezogen. An Eckdaten dieser Rahmenbedingungen sind zu nennen: die Erhebung Preußens zum Königreich (1701), die Schlesischen Kriege, insbesondere der Siebenjährige Krieg (1756–1763), in dem Königsberg von russischen Truppen besetzt war, die Teilungen Polens, die aus dem Königreich Preußen einen ostmitteleuropäischen Flächenstaat machten, und – nun schon die Wende zum 19. Jahrhundert überschreitend – die Napoleonischen Kriege. Immer stärker wurde der Einfluß, den die Staatsspitze auf das Universitätsleben nahm. Allein die Regierungsdaten der preußischen Könige bezeichnen Epochen der Hochschulgeschichte: Unter Friedrich I. (1701–1713) wurde Königsberg königliche Residenz, die Hoch-

сударства, выросшего по своему значению в 17-ом веке. Альбертина была иногда непосредственно связана с военнополитическими разногласиями того времени. В качестве главных исторических событий следует назвать: развитие Пруссии до уровня королевства (1701 г.); Силезские войны, особенно Семилетнюю войну (1756–1763 гг.), когда Кёнигсберг был занят русскими войсками; территориальные разделы Польши, превратившие прусское королевство по величине своей территории в одно из ведущих государств на Средне-европейском востоке и наполеоновские войны в начале 19-ого века.

Все сильнее становится влияние господствующей верхушки на университетскую жизнь. Даже периоды правления прусских королей отражают этапы развития истории высшего учебного заведения: при Фридрихе I (1701–1713 гг.) Кёнигсберг стал королевской резиденцией, а вуз – «королевским университетом». Во времена Фридриха Вильгельма I (1713–1740 гг.) процветал пиетизм, а при его сыне – Фридрихе II (1740–1786 гг.), которого уже современники называли Великим, эпоха Просвещения достигла своего полного расцвета. И наконец, начался новый период реакционного вероучения, жертвой которого при Фридрихе Вильгельме II (1786–1797 гг.) стал даже уже всемирно известный к тому времени Кант.

В начале века было трудно предугадать, что эпоха Просвещения сыграет такую выдающуюся роль в развитии кёнигсбергского университета в 18-ом веке. Теперь уже королевский университет – это выражалось в частности в том, что кронпринц, будущий король Фридрих Вильгельм I (1688–1740 гг., король с 1713 г.), стал его ректором – находился в начале века в плачевном состоянии.

schule „Königliche Universität“; die Regierungszeit Friedrich Wilhelms I. (1713–1740) sah den Aufstieg des Pietismus, während unter seinem Sohn Friedrich II. (1740–1786), den schon Zeitgenossen „den Großen“ nannten, die Aufklärung zu voller Blüte gelangte. Schließlich begann unter Friedrich Wilhelm II. (1786–1797) eine neue Periode von frömmlicher Reaktion, deren Opfer sogar der inzwischen weltbekannte Kant wurde.

Daß die Aufklärung für die Königsberger Universität und ihre Entwicklung einmal die überragende Rolle im 18. Jahrhundert spielen sollte, war zu Beginn des Jahrhunderts noch kaum abzusehen. Die jetzt königliche Universität – das drückte sich u. a. darin aus, daß der Kronprinz, der spätere König Friedrich Wilhelm I. (1688–1740, König seit 1713) ihr Rektor wurde – war zu Beginn des Jahrhunderts in einem desolaten Zustand. Das betraf zum einen die im ersten Drittel des Jahrhunderts ständig sinkenden Studentenzahlen (1717: 400; 1729: 297; 1732: 252 als absoluter Tiefpunkt). Diese Studenten – von denen freilich nicht alle tatsächlich studierten und unter denen immer noch der Pennalismus grassierte – widmeten sich zum überwiegenden Teil geistlich-theoretischen Studien: so waren im Zeitraum von 1717 bis 1723 42 % für Philosophie eingeschrieben, 32% waren Theologen, 23% Juristen und nur 3% Mediziner. Sie wurden nach durchweg veralteten Lehrplänen unterrichtet, von Professoren, die zu einem großen Teil ihren Lehrverpflichtungen nur schlecht nachkamen und kaum selbst forschten. All dies waren Umstände, die dem auf unbedingte Disziplin, Effektivität, Sparsamkeit und direkten Nutzen für den Staat bedachten „Soldatenkönig“ ein Dorn im Auge sein mußten und ihm Anlaß zum Eingreifen boten.

Это сказалося на постоянно падающем количестве студентов в первой трети столетия (1717 г. – 400, 1729 г. – 297, 1732 г. – 252 – наименьшее число студентов). Эти студенты, из которых не все действительно учились и среди которых все усиливался пеннализм, занимались в большинстве своём религиозно-теоретическими исследованиями: с 1717–1723 гг. – 42 % студентов учились на философском факультете, 32 % – на теологическом, 23 % составляли юристы и всего 3 % – медики. Студенты занимались по давно устаревшим учебным программам с профессорами, плохо исполнявшими свой преподавательский долг, которые сами почти не занимались исследованиями. Все эти обстоятельства должны были быть для «Короля-солдата», заботившегося о беспрекословной дисциплине, об эффективности, экономии и о непосредственной пользе государству, бельмом на глазу и служили для него поводом, вмешиваться в университетские дела.

Следствием королевского вмешательства стал ряд изменений в университетской жизни: они были произведены не ради науки, а для пользы дела с точки зрения государства, но вели всё же к большей строгости и порядку в обучении. Депозицию отменили (1717 г.), пеннализм, шоризм и деятельность национальных коллегий обложили штрафом. На теологическом и философском факультетах стал обязательным экзамен для священников и учителей (до этого университетские экзамены были обязательны только для университетской карьеры, не для практической профессиональной деятельности): реорганизация литовского и польского семинаров (1718–1728 гг.) на теологическом факультете должна была служить – благодаря обучению языка будущего духо-

Es kam zu einer Reihe von Änderungen im Universitätsbetrieb infolge königlicher Maßnahmen. Sie waren zwar weniger von wissenschaftlichem Interesse getragen als von Nützlichkeits erwägungen aus staatlicher Sicht, führten aber dennoch zu einer Straffung des Studiums. Die Deposition wurde abgeschafft (1717), Pennalismus, „Schoristerei“ und Tätigkeit von Nationalkollegien mit Strafen belegt. Bei Theologen und Philosophen wurde ein Staatsexamen für Geistliche und Lehrer verpflichtend. Die akademischen Examina waren bisher nur für eine Universitätskarriere, nicht für die praktische Berufsausübung zwingend vorgeschrieben. Die Reorganisation des Litauischen und Polnischen Seminars (1718 bzw. 1728) an der Theologischen Fakultät sollte – durch sprachliche Ausbildung angehender Geistlicher – die praktische Seelsorge unter den nichtdeutschsprachigen Landeskindern fördern und diese stärker in den bestehenden preußischen Staat integrieren.

Praktischen Bedürfnissen des Staates und dem Wunsch des Monarchen entsprach auch die Hinwendung der Juristen von der eher theoretischen Darlegung des römischen Rechts zur Beschäftigung mit dem geltendem Völker- und Staatsrecht sowie die Einrichtung eines anatomischen Instituts und die Ausbildung von (Militär-)Chirurgen bei den Medizinern (1736 durch vom König geförderte Privatinitiative).

Größte Bedeutung bei dieser „Hochschulreform“ kam dem Pietismus zu. Diese Richtung lutherischer Frömmigkeit verband in bewußtem Gegensatz zur lutherischen Orthodoxie tief verinnerlichtes Glaubenserleben („Herzensfrömmigkeit“ die durch „Bekehrung“ bzw. „Erweckung“ bedingt sein sollte) mit werktätigem Christentum. So rief August Her-

венства – практической заботе о спасении душ не немецкоязычного населения и улучшению его интеграции в существующее прусское государство.

Практическим нуждам государства и желанию монарха соответствовала и переориентация юристов с прежних теоретических основоположений римского права на изучение действующего международного и государственного права. По личной инициативе короля в 1736-ом году был также основан анатомический институт и началось обучение (военных) хирургов на медицинском факультете.

Большое значение в этой «реформе высшей школы» придавалось пиетизму. Это одно из течений лютеранского вероисповедания, которое связывало в противовес лютеранской ортодоксии глубокое внутреннее возрождение веры (т. е. «веру сердца», которая должна была быть связана с «обращением», «пробуждением») с повседневным христианством. Так Август Герман Франке, духовный глава этого движения, основал в Галле/Зале свои знаменитые «фонды Франке» (например, сиротский дом, дом престарелых, школы для бедных и латинские школы). Личное знакомство Франке с будущим королём Фридрихом Вильгельмом I (1711 г.) послужило причиной тому, что Фридрих поощрял пиетизм, привилегировал его и возвёл его в ранг «государственной религии» в Пруссии (К. Гинрихс). Это антисословно-реформаторское движение с его усиленным акцентом на практическое образование населения и его трезвой, иногда даже почти пуританской активностью, особенно соответствовало централистическим целям короля. По его воле университет в Галле (основан в 1693 г., к тому времени духовный центр пиетизма) должен был стать образцом для общего

mann Francke, geistiges Oberhaupt der Bewegung, in Halle/Saale seine berühmten „Franckeschen Stiftungen“ ins Leben (u. a. ein Waisenhaus, ein Altenheim, insbesondere aber Armen- und Lateinschulen). Es war die persönliche Bekanntschaft Franckes mit dem nachmaligen König Friedrich Wilhelm I. (1711), die diesen veranlaßte, den Pietismus besonders zu fördern, ihn zu privilegieren und gleichsam zur „Staatsreligion“ (C. Hinrichs) in Preußen zu machen. Kam doch diese antiständisch-reformerische Bewegung mit ihrer starken Betonung der praktischen Volksbildung und ihrer nüchternen, mitunter geradezu puritanischen Aktivität den zentralistischen Zielen des Königs besonders entgegen. Nach seinem erklärten Willen sollte die Universität Halle (gegr. 1693, inzwischen geistiges Zentrum des Pietismus) zum Vorbild der gesamten universitären Ausbildung in Preußen, insbesondere in Königsberg, werden. Nahezu alle oben genannten Reformen gingen von Persönlichkeiten aus, die der König als z.T. enge Vertraute Franckes aus Halle an die Universität Königsberg berufen hatte. Es waren dies namentlich Heinrich Lysius (1670–1731), Abraham Wolf (1680–1731), Georg Friedrich Rogall (1701–1753) und Friedrich Albert Schultz (1692–1763).

Die Bedeutung des Pietismus für die Königsberger Universität ist durchaus zwiespältig zu sehen. Einerseits brachte er eine notwendige Straffung und Verdichtung des Studiums in formaler Hinsicht mit sich, und dies nicht nur im Sinne staatlich-zentralistischer Bedürfnisse; andererseits bedeutete die beherrschende Stellung des Pietismus in Forschung und Lehre eine Verflachung in inhaltlicher Beziehung sowie eine erhebliche Einschränkung der Studienfreiheit, wie die Gegner des Pietismus einzuwenden

universitätsgesetzlichen in Preußen und in besonderer Weise in Königsberg. Fast alle oben genannten Reformen gingen von den Förderern Franckes aus, die von ihm nach Halle/Saale berufen wurden. Dies waren namentlich Heinrich Lysius (1670–1731), Abraham Wolf (1680–1731), Georg Friedrich Rogall (1701–1753) und Friedrich Albert Schultz (1692–1763).

Die Bedeutung des Pietismus für die Königsberger Universität ist durchaus zwiespältig zu sehen. Einerseits brachte er eine notwendige Straffung und Verdichtung des Studiums in formaler Hinsicht mit sich, und dies nicht nur im Sinne staatlich-zentralistischer Bedürfnisse; andererseits bedeutete die beherrschende Stellung des Pietismus in Forschung und Lehre eine Verflachung in inhaltlicher Beziehung sowie eine erhebliche Einschränkung der Studienfreiheit, wie die Gegner des Pietismus einzuwenden

universitätsgesetzlichen in Preußen und in besonderer Weise in Königsberg. Fast alle oben genannten Reformen gingen von den Förderern Franckes aus, die von ihm nach Halle/Saale berufen wurden. Dies waren namentlich Heinrich Lysius (1670–1731), Abraham Wolf (1680–1731), Georg Friedrich Rogall (1701–1753) und Friedrich Albert Schultz (1692–1763).

wußten – allen voran jetzt ausgesprochen die Vertreter der lutherischen Orthodoxie, namentlich ihr Hauptexponent, der Theologe Johann Jakob Quandt (1686–1772). Die oben erwähnten Staatsexamina für Geistliche und Lehrer – sie wurden ausschließlich von Rogall und Wolf durchgeführt – beinhalteten weniger eine Prüfung des Wissensstandes der Kandidaten als eine Art Rechenschaftsbericht der Betroffenen über persönliche Glaubenserlebnisse und ihre Einstellung zu Kirche und Frömmigkeit.

Diese Praxis, z.T. auch auf Dozenten und Studierende angewandt, in der modernen Forschung wohl zu Recht als „Gesinnungsschnüffelei“ bezeichnet, die damit verbundene starke Einengung sowohl der Lehrfreiheit wie auch der Studiemöglichkeiten betraf indessen nicht nur diese eher konservativ-ständischen Kräfte, sondern gerade auch die frühen Königsberger Vertreter der Aufklärung. Es gelang bis 1740 keinem der auch hier vorhandenen Anhänger und Schüler von Christian Thomasius (1655–1728) und Christian Wolff (1679–1754), gegen den Widerstand der Pietisten in Königsberg ordentlicher Professor zu werden. Der Jurist und Vertreter des Naturrechts Thomasius gilt als erster, der Philosoph Wolff als führender Vertreter der deutschen Aufklärung seiner Zeit. Wolffs Lehre, eine Systematisierung der Erkenntnisse von Leibniz unter Verbindung von antiken mit zeitgenössischen Philosophen, war bis zum Auftreten Kants die vorherrschende Richtung in der deutschen Philosophie überhaupt.

Opposition gegen den Pietismus konnte existenzbedrohende Folgen zeitigen. So wurde der außerordentliche Professor der Naturlehre Christian Gabriel Fischer (1686–1751) 1725 der Universität und des Landes verwiesen. Auch hier wirkte das

und die Anhänger der Aufklärung. Es gelang bis 1740 keinem der auch hier vorhandenen Anhänger und Schüler von Christian Thomasius (1655–1728) und Christian Wolff (1679–1754), gegen den Widerstand der Pietisten in Königsberg ordentlicher Professor zu werden. Der Jurist und Vertreter des Naturrechts Thomasius gilt als erster, der Philosoph Wolff als führender Vertreter der deutschen Aufklärung seiner Zeit. Wolffs Lehre, eine Systematisierung der Erkenntnisse von Leibniz unter Verbindung von antiken mit zeitgenössischen Philosophen, war bis zum Auftreten Kants die vorherrschende Richtung in der deutschen Philosophie überhaupt.

Opposition gegen den Pietismus konnte existenzbedrohende Folgen zeitigen. So wurde der außerordentliche Professor der Naturlehre Christian Gabriel Fischer (1686–1751) 1725 der Universität und des Landes verwiesen. Auch hier wirkte das

und die Anhänger der Aufklärung. Es gelang bis 1740 keinem der auch hier vorhandenen Anhänger und Schüler von Christian Thomasius (1655–1728) und Christian Wolff (1679–1754), gegen den Widerstand der Pietisten in Königsberg ordentlicher Professor zu werden. Der Jurist und Vertreter des Naturrechts Thomasius gilt als erster, der Philosoph Wolff als führender Vertreter der deutschen Aufklärung seiner Zeit. Wolffs Lehre, eine Systematisierung der Erkenntnisse von Leibniz unter Verbindung von antiken mit zeitgenössischen Philosophen, war bis zum Auftreten Kants die vorherrschende Richtung in der deutschen Philosophie überhaupt.

Vorbild Halle: sowohl Thomasius, der selbst Mitbegründer der Universität Halle war, als auch Wolff, der dort eine Professur innehatte, waren 1696 bzw. 1723 mit Francke in Streit geraten. Dieser hatte die Verbannung Wolffs wegen „Atheismus“ erreicht und erwirkte nun, veranlaßt von seinen Königsberger Anhängern, beim König die Entlassung Fischers und dessen Vertreibung aus seiner Heimatstadt. Wenn auch die Pietisten für eine außerordentliche Polarisierung der Universitätsangehörigen in Königsberg verantwortlich waren – insbesondere in der Studentenschaft waren sie verhaßt, es kam sogar zu einzelnen tätlichen Übergriffen –, ist ihre geistige Wirkung nicht nur negativ zu betrachten. Auf ihre Rolle bei der Strafung der Studieninhalte und -formen wurde hingewiesen, hinzu kam der außerordentlich große Einfluß, den pietistische Universitätsgelehrte auf die Entwicklung der wissenschaftlichen preußischen Landesgeschichte nahmen. Zu nennen sind hier Michael Lilienthal (1686–1750), Herausgeber und wichtigster Autor einer Anzahl von landeskundlich-historischen Zeitschriften, u.a. „Erleutertes Preussen“ (1724–28) und „Acta Borussica“ (1730–32), sowie Daniel Heinrich Arnoldt (1706–1755), der insbesondere mit seiner „Ausführlichen Historie der Königsbergischen Universität“ (1746–69) hervortrat.

Beträchtliches leistete der Pietismus gerade auch im Schulwesen: das „Collegium Fridericianum“ wurde weit über Königsberg hinaus richtungweisend. Sein berühmtester Schüler wurde Immanuel Kant (1724–1804), der, selbst einem pietistischen Elternhaus entstammend, diese Schule 1732 bis 1740 besuchte und dort entscheidende Anregungen mitnahm, wenngleich er sich später „mit Schrecken

тисты на научное развитие истории Пруссии. Здесь надо назвать Михаила Лилиенталя (1686–1750 гг.), издателя и одного из ведущих авторов нескольких историко-страноведческих журналов, среди которых «Провозглашённая Пруссия» (1724–1728 гг.) и «Акта Боруссика» (1730–1732 гг.), а также Даниэля Генриха Арнольда (1706–1755 гг.), который особенно прославился благодаря своей «Подробной истории кёнигсбергского университета» (1746–1769). Больших успехов достигли пиетисты и в школьном образовании: «Collegium Fridericianum» стал образцом далеко за пределами Кёнигсберга. Его знаменитейшим учеником стал Иммануил Кант (1724–1804 гг.), который сам был выходцем из пиетического дома и посещал эту школу в 1732–1740 гг., где формировалось его мировоззрение. Хотя позднее он с «ужасом и страхом» вспоминал школьные годы.

Год окончания Кантом школы и последовавшего затем поступления в Альбертину является началом победоносного шествия Просвещения в Пруссии. Начало правления Фридриха II, «философа из Сансуси» (1740–1786 гг.) в том же году принесло с собой заметное облегчение. Рационалист Иоганн Христоф Готшед (1700–1766 гг.), который ещё в 1724-ом году покинул Кёнигсбергский университет, начал работать для своей родины, живя в Лейпциге. Начиная с 1730 г. он был там профессором поэзии, а потом философии. Особенно в качестве критика и собирателя он внес значительный вклад в немецкий язык и литературу и стал инициатором последующей немецкой классики. По примеру Томасиуса и Кристиана Вольфа он читал свои лекции на немецком языке и издавал свои работы тоже на немецком («Попытка критического искусства поэ-

und Bangigkeit“ an seine Schulzeit erinnerte.

Das Jahr des Schulabgangs und der anschließenden Studienaufnahme Kants an der Albertina markiert den Beginn des Siegeszuges der Aufklärung in Preußen. Der Regierungsantritt Friedrichs II., des „Philosophen von Sanssouci“ (1740 bis 1786), im selben Jahr brachte eine merkliche Erleichterung mit sich. Der ausgesprochene Rationalist Johann Christoph Gottsched (1700–1766), der schon 1724 die Königsberger Universität verlassen hatte, begann nun von Leipzig aus in seine Heimat zu wirken. Seit 1730 war er dort Professor der Dichtkunst, dann der Philosophie. Insbesondere als Kritiker und Sammler leistete er Beträchtliches für die deutsche Sprache und Literatur und wurde zum Anreger der nachmaligen deutschen Klassik. Nach dem Vorbild von Thomasius und Christian Wolff hielt er seine Vorlesungen in deutscher Sprache und gab auch seine Schriften in Deutsch heraus (u.a. „Versuch einer kritischen Dichtkunst“ 1730; „Die deutsche Schaubühne“ 1741–45). Er beeinflusste zutiefst seinen Schüler Coelestin Christian Flottwell (1711–1759), der erstmals 1742 versuchte, in Königsberg die Einrichtung einer Professur für deutsche Beredsamkeit zu erreichen, die er 1743 schließlich als außerordentlicher Professor erhielt; außerhalb des eigentlichen Universitätslebens bildete er – allerdings als Professor und mit Studenten der Universität – eine Art Verein, die „Deutsche Gesellschaft“ (1742), zur Pflege der deutschen Sprache. Sie orientierte sich an den Vorgaben Gottscheds und an seinen Werken.

Anders als hundert Jahre zuvor war das Jubiläum 1744 kein Staatsakt. Friedrich II. hatte eine Feier ausdrücklich aus Sparsamkeitserwägungen verboten. Daß sie dennoch stattfand, geschah aus Eigenin-

зии» 1730 г., «Немецкая сцена» 1741–1745 гг.). Он оказал глубокое влияние на своего ученика Кёlestина Христиана Флоттвелла (1711–1759 гг.), который впервые в 1742-ом году попытался добиться введения в Кёнигсберге профессуры по немецкому красноречию, которую он, в конце концов, получил в 1743-ом году как экстраординарный профессор. Вне университета он организовал со своими студентами «Немецкое общество» (1742 г.) по сохранению немецкого языка. Они ориентировались на указания и работы Готшеда.

Юбилей университета в 1744-ом году не праздновался как 100 лет назад на государственном уровне. Фридрих II запретил празднество по причинам экономии. И только по собственной инициативе студенты организовали поездку на кораблях, юрист и правовед Кёlestин Ковалевски произнёс праздничную речь, а Готшед, который приехал в родной город исключительно по поводу юбилея, сочинил оду. Для Арнольда, который к тому времени сблизился с кёнигсбергскими просветителями, юбилей служил поводом для его работы по истории университета, которой суждено было увидеть свет лишь в 1746-ом году. В этом же году Иммануил Кант заканчивает университет. Экзамен на магистра он сдал только в 1755-ом году. Благодаря второй диссертации он получил разрешение на преподавание. Обе его работы уже тогда показали широту его интересов, связанных как с естествознанием, так и с философией: речь идёт о его работе «Об огне» и о работе по метафизике, которая по языку (на латыни) и по содержанию была связана с тогдашней философской школой. Множество попыток Канта получить место профессора, осталось безуспешным (1756, 1758 гг.). До получения профессуры в 1770-ом

itiative der akademischen Bürger: die Studentenschaft veranstaltete einen Umzug per Schiffen, der Jurist und Naturrechtler Coelestin Kowalewski hielt die Festrede, und Gottsched, der eigens wegen der Feierlichkeiten in seine Heimatstadt gereist war, verfaßte eine Ode. Nicht zuletzt schrieb Arnoldt, der sich inzwischen dem Kreis der Königsberger Aufklärer genähert hatte, aus dem gegeben Anlaß an seiner Universitätsgeschichte, die freilich erst ab 1746 erscheinen sollte. Im selben Jahr beendete Immanuel Kant seine Studentenzeit. Das Magisterexamen legte er allerdings erst 1755 ab. Durch eine zweite Dissertation erhielt er die Erlaubnis zu lehren. Beide Arbeiten zeigten schon früh die Bandbreite seiner Interessen, die sowohl naturwissenschaftlich als auch philosophisch gelagert waren: handelte es sich doch um eine Schrift „Über das Feuer“ und eine Arbeit zur Metaphysik, die freilich sowohl in Sprache (Lateinisch) und Inhalt der damals herkömmlichen Schulphilosophie verhaftet blieb. Mehrfache Bewerbungen Kants um eine Professur scheiterten (1756, 1758). Bis zu seiner Berufung zum Professor (1770) mußte er ausschließlich von den Kolleggeldern, die er als Privatdozent von seinen Hörern erhielt, leben. 1766 erhielt er außerdem eine Stelle als Subbibliothekar bei der Schloßbibliothek. In diese „vorkritische“ Periode (d. i. die Zeit vor der Herausgabe seiner drei großen kritischen Werke) fielen mehrere beachtliche Veröffentlichungen, u. a. die „Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels“ (1755), in der er eine Theorie des Ursprungs unseres Planetensystems umriß. Sie wurde 1796 unabhängig davon von dem französischen Forscher Laplace ebenso aufgestellt und ist bis heute als Kant-Laplacesche Theorie bekannt. Zu dieser Schaffensphase

году ему пришлось жить исключительно на деньги, которые платили ему слушатели как частному преподавателю. В 1766-ом году он получил место суббиблиотекера во дворцовой библиотеке. В этот, т. н. «докритический период» (это время до издания трёх его больших критических произведений) он сделал много значительных публикаций, среди которых «Всеобщая и естественная теория неба» (1755 г.), в которой он пояснил теорию возникновения нашей солнечной системы. Она создана в 1796-ом году независимо от французского учёного Лапласа и по сей день известна как теория Канта-Лапласа. К этой творческой фазе относятся и «Сны духовидца, объясненные через сны метафизики» (1766 г.), в которых он, критикуя стоицизм, отказывается от любой спекулятивной метафизики и, тем самым, намечает контуры своих будущих работ. Но всемирную славу принесли Канту три работы: «Критика чистого разума» (1781 г.), «Критика практического разума» (1788 г.) и «Критика способности суждения» (1790 г.).

Преподавательская деятельность Канта в качестве частного доцента и профессора метафизики и логики (1755–1795 гг.) состояла как из лекции по философии, так и по естествознанию. Особенно популярны среди студентов были регулярно проводимые им лекции по физической географии. Это относилось и ко времени Семилетней войны (1756–1763 гг.), когда Кёнигсберг с 1758 по 1762 г. был занят русскими войсками, и среди его слушателей было много офицеров оккупационных войск. Кант, как личность, притягивал множество студентов в Кёнигсбергский университет, среди них Иоганн Готтфрид Гердер, которого Кант высоко ценил. Гердер с во-

gehört ferner die Schrift „Träume eines Geistersehers, erläutert durch Träume der Metaphysik“ (1766), in denen er in der Kritik an dem Stockholmer Naturforscher Swedenborg jeglicher spekulativer Metaphysik eine Absage erteilte und damit einen Ausblick auf sein künftiges Schaffen gab. Kants Weltruhm begründeten jedoch seine drei Kritiken: „Kritik der reinen Vernunft“ (1781), „Kritik der praktischen Vernunft“ (1788) und die „Kritik der Urteilskraft“ (1790).

Kants Lehrtätigkeit als Privatdozent wie als ordentlicher Professor für Metaphysik und Logik (1755–1795) beinhaltete sowohl Vorlesungen zur Philosophie als auch zu den Naturwissenschaften. Besonders seine regelmäßig durchgeführten Vorlesungen zur physischen Geographie waren bei Studierenden außerordentlich beliebt. Das galt auch für die Zeit des Siebenjährigen Krieges (1756–1763), als Königsberg 1758 bis 1762 von russischen Truppen besetzt war, fanden sich unter seinen Hörern zahlreiche Offiziere der Besatzungsmacht. Allein Kants Persönlichkeit zog zahlreiche Studenten an die Königsberger Universität, u. a. Johann Gottfried Herder (1744–1803), der 1762 bis 64 begeistert bei Kant, von diesem hochgeschätzt, studierte und Johann Georg Hamann (1730–1788). Beide hatten später z. T. heftige Kontroversen mit Kant.

Daß die Tätigkeit Königsberger Universitätsgelahrter vom Zeitgeschehen nicht unberührt blieb, zeigt sich deutlich in Kants Wirken. So haben die drei Teilungen Polens und sein Verschwinden von der politischen Landkarte (1772, 1793, 1795) wie auch die in den neunziger Jahren des 18. Jahrhunderts beginnenden Revolutionskriege – Kant war durchaus ein Anhänger der Ideen der Französischen Revolution wie auch Napoleons –

сторгом учился у него с 1762 по 1764 годы и был связан узами дружбы с Иоганном Гаманном. Оба позднее вели резкие споры с Кантом.

Что деятельность учёных не была независимой от событий своего времени, особенно наглядно видно в работах Канта: так оказали большое влияние на его работу «О вечном мире» (1795 г.) три раздела Польши (1772, 1793, 1795 гг.) и её исчезновение с политической карты, как и «начавшиеся в 90-ых годах 18-ого века революционные войны. (Кант был сторонником как идей французской революции, так и Наполеона). Уже в конце своей публицистической карьеры он имел столкновения с цензурой, которая снова усилилась с началом правления Фридриха Вильгельма II.

В то время как Кант скорее критически относился к территориальному разделу Польши, у других сотрудников университета был повод это приветствовать: Часть Польши, отошедшая к Пруссии, значительно увеличивала тыл теперь т. н. Восточно-Прусской провинции и, тем самым, территорию влияния Кёнигсбергского университета, а также возможности распределения выпускников. Знаменитый пример тому Е. Т. А. Гофман (1776–1822 гг.), который изучал юриспруденцию в своём родном городе Кёнигсберге в 1792–1795 годах (кстати, у него не было никакого контакта с Кантом), а потом с 1800 по 1806 гг. работал прусским юристом в канцеляриях Познани, Плоцка и Варшавы.

При этом не только изменившиеся политические обстоятельства Пруссии указывали на возможности и пределы активности сотрудников Кёнигсбергского университета. Они определялись университетом, как органом, и соответственно тем, что он представлял из себя в

seine Schrift „Zum ewigen Frieden“ (1795) stark beeinflusst. Noch gegen Ende seiner publizistischen Karriere mußte er sich mit der Zensur, die nach dem Regierungsantritt Friedrich Wilhelms II. wieder stärker wurde, auseinandersetzen.

Während Kant der schließlich vollständigen Aufteilung Polens eher kritisch gegenüberstand, hatten andere Universitätsangehörige Anlaß, diese zu begrüßen. Vergrößerte doch das preußische Teilungsgebiet Polens das Hinterland der erst jetzt so genannten Provinz Ostpreußen und damit auch das Einzugsgebiet der Universität Königsberg ganz erheblich, zumal die Beschäftigungsmöglichkeiten ihrer Studienabsolventen. Ein prominentes Beispiel für diese Vorgänge war E. T. A. Hoffmann (1776–1822), der in seiner Heimatstadt Königsberg 1792 bis 1795 Jura studierte – er hatte übrigens keinen Kontakt zu Kant – und dann von 1800 bis 1806 preußischer Verwaltungsjurist in Posen, Plock und Warschau gewesen ist.

Dabei zeigten nicht nur die sich verändernden politischen Rahmenbedingungen Preußens die Möglichkeiten und Grenzen von Aktivitäten Königsberger Universitätsangehöriger. Diese wurden nicht zuletzt durch die Institution Universität bzw. das, was sie im 18. Jahrhundert darstellte, bestimmt. Die Rede ist hier von den konkreten Studien- und Arbeitsbedingungen an der Königsberger Universität.

Auswüchse im universitären Brauchtum konnten ein effektives Studium genauso verhindern wie Unregelmäßigkeiten im Vorlesungsbetrieb. Mitunter wurden Vorlesungen, die in einem Semester erledigt sein sollten, auf Jahre ausgedehnt. Es sei an dieser Stelle daran erinnert, daß es sehr drastischer staatlicher Maßnahmen in der ersten Hälfte des Jahrhunderts be-

18-om столетии. Здесь речь идёт о конкретных условиях для работы и исследований в Кёнигсбергом университете. Эффективности обучения могли мешать как извращения университетских обычаев, так и нерегулярное проведение лекций. Иногда лекции, которые должны были быть прочитаны в одном семестре, растягивались на годы. Здесь надо напомнить, что нужны были решительные меры со стороны государства в первой половине века, чтобы упорядочить преподавание – с одной стороны, и, с другой стороны, ограничить хулиганские выходки студентов. Но и отмена депозиции и пеннализма не мешали некоторым студентам, несмотря на запрет, носить и применять на дуэлях холодное оружие.

Кто не мог сам финансировать свое обучение, мог получить одну из множества стипендий. Было что-то вроде студенческого общежития, «Alumnat», которое находилось непосредственно у главного корпуса университета, рядом с собором, и где размещались более ста студентов. Разумеется, использование стипендии или общежития могло быть связано с жёстким ограничением студенческих свобод. Вероятно, из-за этого и Кант предпочёл отказаться от стипендии. Кроме доходов от репетиторства, он финансировал свою учёбу миллиардными и карточными выигрышами. Сменив множество мест в качестве домашнего учителя, он в течении 10 лет был вынужден жить на деньги, которые платили ему слушатели как частному преподавателю. Доходы эти были непостоянными. Его ходатайство о предоставлении ему места суббиблиотекаря (1765/1766 гг.) было вызвано, вероятно, горькой нуждой. Во всяком случае, это постоянное место работы приносило к тому времени уже довольно известному

дурфе, um einerseits einen ordnungsgemäßen Lehrbetrieb herzustellen und andererseits studentischer Umtriebe einigermassen Herr zu werden.

Aber auch die Abschaffung der Deposition und die Maßregelung des Pennalismus hinderten Teile der Studentenschaft nicht daran, trotz Verbots Hieb- und Stichwaffen zu tragen und diese auch (in Duellen) zu gebrauchen.

Konnte ein Studium nicht selbst finanziert werden, standen zahlreiche Stipendien zur Verfügung. Eine Art Studentenwohnheim, das *Alumnat*, befand sich direkt beim Hauptgebäude der Universität neben dem Dom. Es bot über hundert Studenten Platz. Freilich konnte die Inanspruchnahme von Stipendien bzw. eines Wohnplatzes mit harten Einschränkungen studentischer Freizügigkeit verbunden sein. Wohl deswegen zog es auch Kant vor, auf Stipendium und Alumnat zu verzichten und sein Studium sowie seinen Lebensunterhalt neben Einkünften aus Vorlesungsrepetitionen durch Billard- und Kartenspiel zu finanzieren. Nach mehreren Stellen als Hauslehrer war er als Privatdozent ohne Einkommen mehr als zehn Jahre auf Kollegelder angewiesen, das sind Gebühren, die er von seinen Hörern erhob. Die Höhe der Einnahmen war also erheblichen Schwankungen unterworfen. Seine Bewerbung um die Stelle eines Subbibliothekars (1765/66) erfolgte vermutlich aus blanker Existenznot. Diese immerhin feste Anstellung brachte dem inzwischen durch etliche Veröffentlichungen schon recht bekannten Philosophen ein Jahresgehalt von 62 Talern. Zum Vergleich: Für den äußerst sparsam bemessenen Unterhalt eines Studenten im Alumnat wurden um die Jahrhundertmitte 21 Taler ausgegeben, 8 Taler hatte er selbst aufzubringen. Die Prüfungsgebühr für die Magisterpro-

благодаря некоторым публикациям философу годовой доход в 62 талера. Для сравнения: на очень скромное содержание одного студента в Алумнате в середине века тратились 21 талер, 8 талеров он должен был заплатить сам. Экзаменационный взнос на магистра составлял 50 талеров, а теолог Квандт в качестве ректора университета ежегодно получал 346 талеров и 16 с 2/3 грошей. Эта кажущаяся довольно высокой сумма, которая опять-таки по сравнению с доходами профессоров в других университетах, и по сравнению с нынешним уровнем зарплаты, относительно покупательной способности была очень невелика. «Идущий в Кёнигсбергский университет даёт обет бедности», сказал один из профессоров Альбертины.

Учёбу затрудняли, если не делали невозможной, не только финансовые причины: так Готтшед был вынуждён в 1724-ом году спастись бегством от вербовщиков «Короля-солдата», которые хотели его рекрутировать в regiment «Lange Kerls». Это насильное рекрутство, которое тоже было одной из причин сокращения числа студентов в начале столетия, было официально отменено Фридрихом II лишь в 1752-ом году. Мелочная опека и требования дисциплины исходили не только от органов государственной цензуры, но и от самого университета. Так до 19-ого века все будущие преподаватели философского факультета должны были давать клятву, придуманную в 16-ом веке, предающую анафеме всех «нелютеран». Её не смог миновать и свободомыслящий Кант, явный противник любой формы религиозного притеснения, и даже протекция уже всемирно известного философа не помогла католику Людвигу фон Бачко (1756–1823 гг.) получить место завка-

motion betrug 50 Taler, und der Theologe Quandt erhielt als Rektor jährlich 346 Taler und 16 $\frac{2}{3}$ Groschen; eine hoch erscheinende Summe, die aber wiederum im Vergleich zu Professoreneinkünften an anderen Universitäten und an heutigem Gehaltsniveau im Vergleich zur Kaufkraft äußerst niedrig war. „Wer sich an die Königsberger Universität begibt, der legt ein Gelübde der Armut ab“ sagte ein Professor der Albertina.

Es waren freilich nicht nur finanzielle Gründe, die Studium und Lehre erschweren, wenn nicht unmöglich machen: so mußte Gottsched 1724 vor den Werbem des Soldatenkönigs fliehen, die ihn für dessen „Lange Kerls“ rekrutieren wollten. Diese Zwangsrekrutierungen, die teilweise wohl auch der Grund für sinkende Studentenzahlen zu Anfang des Jahrhunderts waren, schaffte erst Friedrich II. 1752 offiziell ab.

Gängeleien und Disziplinierung mußten Studenten wie Dozenten nicht nur von staatlichen Zensurbehörden erwarten, sie gingen auch von der Königsberger Universität selbst aus. So mußten bis ins 19. Jahrhundert hinein angehende Dozenten der philosophischen Fakultät einen aus dem 16. Jahrhundert stammenden Eid schwören, der alle Nichtlutheraner verurteilte. Auch dem Freidenker, Deisten und erklärten Gegner jeder Form von Offenbarungsreligion Kant erging es da nicht anders, und selbst die Protektion des inzwischen weltberühmten Philosophen verhalf dem Katholiken Ludwig von Baczko (1756–1823) nicht zu dem Lehrstuhl für Geschichte, auf den er sich beworben hatte. Die preußische Armee erwies sich hier als liberaler: an der Königsberger Artillerie-Akademie konnte der begabte Landeshistoriker Preußens und Königsbergs seit 1797 lehren. Allein die Medizinische Fakultät promovierte

федрой истории, на которое он претендовал. Прусская армия в этом отношении была более либеральной: выдающийся историк и краевед мог с 1797-ого года преподавать в Кёнигсбергской артиллерийской академии. Только на медицинском факультете и могли защищаться «нелютеране». В начале века здесь появились и первые евреи.

В общем, к концу 18-ого века в Кёнигсбергском университете дела обстояли не лучшим образом. По своим организационным структурам это всё ещё было средневековое учреждение, которое не только не могло предоставить своим выдающимся мыслителям соответствующие времени достойные условия для проведения научной работы, но и сводило счёты с их идеями. Несмотря на особую популярность Канта, число студентов постоянно сокращалось. Альбертина, как и другие немецкие университеты, переживала кризис. Открыто ставился вопрос о дальнейшем существовании этой ставшей анахронической высшей школы.

«Она должна стать очагом света, её лозунг – вперёд!»

19-ому веку суждено было стать веком модернизации Кёнигсбергского университета. Для этого процесса характерны три основные черты:

- преобразование высшей школы из привилегированного самоуправленного органа, обусловленного своими законами и независимого от обществественности, в государственное учреждение, которое должно подчиняться общим законам обществественности и служить именно этой обществественности;
- дифференциация отдельных предметов внутри старых четырёх факультетов, их отделение, ведущее к распаду и

auch Nichtlutheraner. Hier fanden sich seit Beginn des 18. Jahrhunderts auch die ersten Juden.

Im großen und ganzen stand es gegen Ende des 18. Jahrhunderts mit der Universität Königsberg nicht zum besten. Sie war immer noch eine ihrer Organisationsform nach im Kern mittelalterliche Einrichtung, die den weit über ihre Zeit hinausweisenden Gedanken ihrer hervorragendsten Vertreter nicht den ihnen gebührenden institutionellen Rahmen bieten konnte, sondern jene Gedanken mitunter in kleinlicher Weise konterkarierte. Trotz der großen Popularität gerade Kants sanken die Studentenzahlen stetig. Wie fast alle deutschen Universitäten war auch die Albertina in die Krise geraten. Offen wurde die Frage nach der Weiterexistenz dieser inzwischen anachronistisch gewordenen Hochschule gestellt.

„Sie soll ein Herd des Lichtes sein; ihre Losung sei vorwärts!“

Das 19. Jahrhundert sollte das Jahrhundert der Modernisierung der Universität Königsberg werden. Drei Grundzüge kennzeichnen diesen Vorgang:

- die Umbildung der Hochschule von einer privilegierten, sich durch Sondergesetze getrennt und unabhängig von der Allgemeinheit selbstverwaltenden Körperschaft zu einer staatlichen Einrichtung, die den Gesetzen der Allgemeinheit unterworfen, ebendieser Allgemeinheit zu dienen hat;
- die Differenzierung einzelner Fächer innerhalb der alten vier Fakultäten, ihre Lösung aus deren Verband und ihre Verselbständigung, damit verbunden die Auflösung der alten Fakultäten selbst und die Entstehung neuer Studienrichtungen, als deren Endresultat der im Kern noch heutige gültige Fächerkanon erscheint;
- die Entstehung eines neuen Typs von

реорганизации старых факультетов, и возникновение новых направлений и предметов, существующие по сей день; – возникновение нового типа университетского учёного, который из-за интеграции в государственную жизнь при одновременной модернизации изучаемых предметов и более свободного содержания и форм обучения, начинает принимать активное участие в политических событиях, а также требует права на это участие. Динамика событий привела к тому, что Альбертина из прусского университета превратилась в немецкий университет.

Первые предложения по давно уже необходимой реформе университета в Кёнигсберге датируются временами донаполеоновских войн. Даниэль Христов Райдениц (1760–1842 гг.), профессор права и канцлер университета, требовал также, как и Ганс Якоб фон Ауерсвальд (1757–1833 гг., с 1802-ого года был президентом Палаты в Кёнигсберге), отделения естественнонаучных предметов от философского факультета. Действительные реформы коснулись, прежде всего, правового положения университета по отношению к государству. Его привилегии были отменены. Пасторы, учителя, врачи, аптекари, книгопечатники и книготорговцы потеряли права «академических граждан». В результате этого, они больше не принадлежали к университету. «cives academici» должны были быть только профессора, доценты и студенты. Самостоятельное судебное право ограничивалось дисциплинарными взысканиями, академические граждане подчинялись всеобщим законам, а университет – непосредственно государственному управлению.

Дальнейшие реформы затрагивали непосредственно обучение и исследова-

Hochschulangehörigen, der, bedingt durch Integration ins staatliche Leben, bei gleichzeitiger Modernisierung von Studiengegenständen und wesentlich freierer Gestaltung von Studieninhalten und -formen beginnt, aktiveren Anteil am politischen Geschehen zu nehmen bzw. eine solche Beteiligung einzufordern.

Die Dynamik dieser Vorgänge brachte es mit sich, daß sich die Albertina von einer preußischen Landesuniversität zu einer deutschen Universität entwickelte.

Die ersten Vorschläge zu der so dringend nötigen Reform des Universitätslebens in Königsberg datieren noch aus der Zeit vor den Napoleonischen Kriegen. Daniel Christoph Reidenitz (1760–1842), Professor der Rechte und Kanzler der Universität, forderte ebenso wie Hans Jacob von Auerswald (1757–1833, Kammerpräsident in Königsberg seit 1802) die Trennung der naturwissenschaftlichen Fächer von der Philosophischen Fakultät. Die tatsächlichen Reformen betrafen zunächst die Rechtsstellung der Universität gegenüber dem Staat. Ihre Privilegierung wurde aufgehoben. Pfarrer, Lehrer, Ärzte, Apotheker, Buchdrucker und -händler verloren das akademische Bürgerrecht. Sie schieden damit aus dem Zuständigkeitsbereich der Universität aus, *cives academici* sollten künftig nur noch Professoren, Dozenten und Studenten sein. Die eigenständige Gerichtsbarkeit wurde auf bloße Disziplinargerichtsbarkeit beschränkt, die akademischen Bürger den allgemein gültigen Gesetzen, die Universität direkt der staatlichen Verwaltung unterstellt.

Weitere Reformen betrafen Forschung und Lehre direkt. So wurde die Schloßbibliothek der Universitätsbibliothek angegliedert und erhielt ein eigenes Gebäude. 1810 folgte die Einführung des Staatsexamens für das Lehramt an höheren Schu-

ния: дворцовая библиотека была передана университету и получила собственное здание. В 1810-ом году был введен государственный экзамен для преподавателей высшей школы. Вместо до сих пор проводимых в виде лекций занятий, в преподавании гуманитарных предметов в том же году стали оказывать предпочтение семинарам, как дидактической форме обучения.

Теперь и семинары были большей частью открытыми. Еще Кант, например, большинство своих лекций читал «privatissime», т. е. не в аудиториях, а в своей частной квартире. На это оказал воздействие пример философа Фихте из Берлина, который в начале века согласился преподавать в Кёнигсберге. Срок его работы должен был быть недолгим.

Идеи о проведении реформы возникали, в целом, вне университета. По этому поводу следует назвать Ауерсвальда, Людвига Георга Генриха, государственного советника Николовиуса (1767–1839 гг.) и министра культуры Гумбольдта (1767–1835 гг.). Определённым препятствием для финансирования реформы стал тот факт, что в Пруссии возникли новые университеты: с 1809-ого года стало оказываться предпочтение Берлину, с 1818-ого года много сил и средств направлялись в Бонн.

Реформаторская деятельность – особенно связанная с ней естественнонаучная ориентация университета – очень скоро привела к сопротивлению старых профессоров и к, последовавшим в связи с этим, трениям между ними и их новыми коллегами: только старые профессора составляли Сенат университета, который согласно старому уставу университета всегда состоял из 10 старейших профессоров. Это изменилось после приказа королевского кабинета в

len. Im selben Jahr setzte sich auch in den geisteswissenschaftlichen Fächern das Seminar als didaktische Form gegenüber den bisher ausschließlich gehaltenen Vorlesungen durch.

Diese wiederum wurden jetzt anders als früher zum größeren Teil öffentlich gehalten. Noch Kant hatte beispielsweise seine meisten Vorlesungen *privatissime*, d. h. nicht in Hörsälen, sondern in seiner Privatwohnung durchgeführt. Hier wirkte das Vorbild des Philosophen Fichte in Berlin, der Anfang des Jahrhunderts über einen kurzen Zeitraum einen Lehrauftrag in Königsberg wahrgenommen hatte.

Im großen und ganzen kamen die Anstöße zur Reform von außerhalb der Universität. An Namen sind hier Auerswald, Ludwig Georg Heinrich, der Staatsrat Nicolovius (1767–1839) und der Kultusminister Wilhelm von Humboldt (1767–1835) zu nennen; ein gewisses Hemmnis für die Finanzierung der Reformen war die Tatsache, daß in Preußen neue Universitäten gegründet wurden: Berlin (seit 1809) wurde bevorzugt behandelt, seit 1818 zog auch Bonn viele Kräfte an sich.

Die Reformtätigkeit – insbesondere die damit verbundene stärkere naturwissenschaftliche Ausrichtung der Universität – führte sehr bald zu Widerständen der alten Professoren und daraus resultierenden Reibereien zwischen ihnen und ihren neuberufenen Kollegen, stellten doch die alten Professoren ausschließlich den Senat, der sich nach der alten Universitätsverfassung immer aus den zehn dienstältesten Professoren zusammensetzen mußte. Dies änderte sich durch königliche Kabinettsordre im Mai 1811. Fortan sollten alle ordentlichen Professoren zusammen den Senat bilden. Eine zentrale Figur der inneren Erneuerung des wissenschaftlichen Lebens an der Albertina war der Westfale Friedrich

mae 1811-ого года. Впредь все штатные профессора должны были входить в Сенат.

Центральной фигурой во внутреннем обновлении научной жизни в Альбертине стал вестфалец Фридрих Вильгельм Бессель (1784–1846 гг.). Выходец из купеческой семьи, первоначально лишь любитель-астроном, он в 1809-ом году пришёл в Кёнигсберг и приложил все свои усилия для построения университетской обсерватории (1811–1813 гг.). Примечательно, что Бессель сначала не был принят на факультет, так как он никогда не учился в высшем учебном заведении. Лишь присуждение почётной докторской степени Гёттингенским университетом, благодаря содействию Карла Фридриха Гауса, способствовало его официальному признанию. Бессель вместе со своим тестем, аптекарем и профессором физики, химии, минералогии и ботаники Карлом Готтфридом Гагеном основал в 1812-ом году новый журнал «Кёнигсбергский архив по естествознанию и математике». Это был, вероятно, последний учёный-универсал в Альбертине, который выступал за дифференциацию естественнонаучных предметов, которая, как известно, была достигнута только после его смерти: в 1829-ом году Франц Нейманн (1798–1895 гг.) стал завкафедрой физики, от которой в 1834-ом году была отделена кафедра химии. Её первым руководителем был аптекарь Фридрих Филипп Дульк (1788–1852 гг.). Нейманн внёс существенный вклад в основание естественно-математического семинара (1834 г.) и годом позже в создание семинара всех естественных наук (секции физики, химии, ботаники и зоологии).

Особенного расцвета достиг медицинский факультет: в начале века на нём училось 10–20 студентов и преподавало

Wilhelm Bessel (1784–1846). Von Hause aus Kaufmann, ursprünglich nur aus Liebhaberei Astronom, kam er 1809 nach Königsberg und sorgte hier für den Bau der Universitätssternwarte (1811–1813). Bezeichnenderweise wurde Bessel zunächst nicht von der Fakultät aufgenommen, da er nie studiert hatte. Erst die Ehrendoktorwürde der Universität Göttingen, vermittelt von Carl Friedrich Gauß, verhalf ihm zu einer auch offiziell anerkannten Stellung.

Bessel gründete mit seinem Schwiegervater, dem Apotheker und Professor für Physik, Chemie, Mineralogie und Botanik Karl Gottfried Hagen, 1812 eine neue Zeitschrift, das „Königsberger Archiv für Naturwissenschaften und Mathematik“; es war gerade dieser wahrscheinlich letzte Universalgelehrte der Albertina, der sich stark für eine Differenzierung der naturwissenschaftlichen Fächer einsetzte, die freilich erst nach seinem Tod zur Geltung kam: 1829 erhielt Franz Neumann (1798–1895) den Lehrstuhl für Physik, von dem der Lehrstuhl für Chemie 1834 abgekoppelt wurde. Sein erster Inhaber war der Apotheker Friedrich Philipp Dulk (1788–1852). Neumann hatte auch wesentlichen Anteil an der Gründung des mathematisch-naturwissenschaftlichen Seminars (1834) sowie ein Jahr später an der Gründung des Seminars für die gesamten Naturwissenschaften (Sektionen Physik, Chemie, Botanik und Zoologie). Besonderen Aufschwung nahm die medizinische Fakultät: zu Beginn des Jahrhunderts studierten hier 10 bis 20 Studenten bei 6 ordentlichen Professoren; 1809 wurde die erste Königsberger Universitätsklinik eingerichtet, 1850 kam eine eigene Chirurgie hinzu.

Mehrere bedeutende Medizinerpersönlichkeiten sind zu nennen: Carl Friedrich Burdach (1776–1846), der aus Leipzig

6 штатных профессоров. В 1809-ом году была открыта первая кёнигсбергская университетская клиника, в 1850-ом году открыли собственное хирургическое отделение.

Здесь можно назвать несколько значительных медицинских светил: Карл Фридрих Бурдах (1776–1846 гг.), который был родом из Лейпцига и который в 1814-ом году переехал из Дорпата в Кёнигсберг. В качестве профессора анатомии и физиологии он приложил все усилия для строительства нового здания Института анатомии, которое началось в 1816/1817 гг. В 1827-ом году он сосредоточился на физиологии. Директором Института анатомии стал его преемник, прибалтийский немец Эрнст фон Бэр (1792–1876 гг.). Приехавший ассистентом Бурдаха из Дорпата в Кёнигсберг в 1817-ом году, Бэр стал выдающимся зоологом. В 1827-ом году он открыл яйцо млекопитающих. Он был основателем Кёнигсбергского зоологического музея.

Вышеперечисленные имена говорят о том, что реорганизация Кёнигсбергского университета осуществлялась благодаря возросшему значению естественных наук, связанному с дифференциацией внутри старых факультетов, которая привела к возникновению новых кафедр (например, разделение таких предметов, как анатомия и физиология на медицинском факультете) или выразившееся в отделении предметов от традиционных факультетов и приобретении ими самостоятельности. Так астрономия и физика вышли из философского факультета, химия и фармакология, а также зоология и биология вышли из медицинского. Благодаря личному интересу преподавателя, чаще всего происходила дальнейшая специализация в виде новой кафедры.

stammte und 1814 aus Dorpat nach Königsberg kam. Als Professor für Anatomie und Physiologie sorgte er für einen Neubau des anatomischen Instituts, der 1816/17 in Angriff genommen wurde. 1827 beschränkte er sich auf die Physiologie, sein Nachfolger als Direktor des Anatomischen Instituts wurde der Deutschbalte Ernst von Baer (1792–1876). Als Assistent Burdachs 1817 aus Dorpat nach Königsberg gekommen, tat sich Baer insbesondere als Zoologe hervor. 1827 entdeckte er das Säugetier-Ei. Auf ihn geht die Gründung des Königsberger Zoologischen Museums zurück.

Die vorstehende Aufzählung verdeutlicht, daß die Neuorganisation der Universität Königsberg stark vom Aufschwung der Naturwissenschaften geprägt war, der sich institutionell aus einer Differenzierung innerhalb der alten Fakultäten ergab und so zu neuen Lehrstühlen führte (z.B. die Trennung von Anatomie und Physiologie innerhalb der Medizin) oder sich in der Loslösung und Verselbständigung von Fächern aus den historischen Fakultäten manifestierte. So entwickelten sich Astronomie und Physik aus der philosophischen Fakultät, die Chemie über die Pharmazie aus der Medizin, ebenso wie Zoologie und Biologie. Meist war es das persönliche Interesse eines Dozenten, das eine weitere Spezialisierung in Form neuer Lehrstühle mit sich brachte. Ähnliches gilt für die Geisteswissenschaften. Auch hier begann der Differenzierungsprozeß innerhalb der alten Fakultäten, insbesondere in der philosophischen Fakultät, aber auch bei Theologen und Juristen.

So widmete der Philosoph Herbart (1776–1841), der 1809 Kants Stelle erhalten hatte, sein Ordinariat zum Lehrstuhl für Philosophie und Pädagogik um. Die Existenz des Litauischen Seminars an

Подобное происходило и в области гуманитарных наук: и здесь начался процесс дифференциации внутри традиционных факультетов, особенно на философском, но и на теологическом и юридическом факультетах.

Так философ Герbart (1776–1841 гг.), получивший в 1809-ом году место Канта, переделал свою ординатуру в кафедру философии и педагогики. Существование литовского семинара при теологическом факультете и деятельность Людвиг Рёзы и Фридриха Куршата (1806–1884 гг.), руководителя этого семинара, способствовали тому, что преподававший здесь же ориенталист Фердинанд Нессельманн (1811–1881 гг.) стал, благодаря своим работам по старопрусскому и литовскому языкам, одним из основателей балтистики и руководителем новой кафедры индогерманистики. Его преемником с 1880-ого года был Адальберт Беценбергер (1851–1922 гг.).

В рамках философского факультета развивалась и классическая филология. Карл Лахманн (1793–1851 гг.), выходец из этого направления, благодаря своим филологическим исследованиям «Песни о Нибелунгах», сделал Кёнигсберг и Альбертину местом возникновения германистики.

Первую профессуру по истории искусства в Пруссии получил Эрнст Август Гаген (1797–1880 гг.): будучи в 1825-ом году экстраординарным, а в 1830-ом году штатным профессором. Кроме прочего, он изучал в своём родном городе Кёнигсберге медицину. Эрнст Август Гаген был сыном уже упоминавшегося Карла Готтфрида Гагена.

На юридическом факультете тоже выделялись специальные дисциплины. Зять Бесселя и брат Эрнста Августа Гагена, Карл Генрих (1785–1856 гг.), ученик Крауса, тоже юрист, стал сначала

der Theologischen Fakultät und die Tätigkeit von Ludwig Rhesa sowie Friedrich Kurschat (1806–1884) als Leiter dieses Seminars bewirkte, daß der ebenfalls hier lehrende Orientalist Ferdinand Nesselmann (1811–1881) durch seine Arbeiten zum Preussischen und Litauischen zu einem der Mitbegründer der Baltistik und Inhaber des neuen Lehrstuhls für Indogermanistik wurde. Sein Nachfolger war seit 1880 Adalbert Bezzenberger (1851–1922).

Im Rahmen der Philosophischen Fakultät entwickelte sich die Klassische Philologie. Aus dieser Studienrichtung kam Karl Lachmann (1793–1851), der Königsberg und die Albertina durch seine Studien zum Nibelungenlied zu einem der Entstehungsorte der Germanistik machte.

Die erste Professur für Kunstgeschichte in Preußen erhielt 1825 als außerordentlicher, 1830 als ordentlicher Professor Ernst August Hagen (1797–1880), der u. a. in seiner Heimatstadt Königsberg Medizin studiert hatte. Er war der Sohn des erwähnten Karl Gottfried Hagen.

Auch aus der Juristischen Fakultät entwickelten sich Spezialdisziplinen. Besels Schwager und Ernst August Hagens Bruder Karl Heinrich (1785–1856), ein Schüler von Kraus, wie dieser Jurist, wurde zunächst außerordentlicher Professor für Staatswissenschaft und Gewerbekunde, dann Ordinarius; als ausgesprochenen Liberaler trat er für die Freiheit des Handels ein und wandte sich gegen Schutzzölle. Ebenfalls große Bedeutung für die Entwicklung des Liberalismus sollte der Jurist Eduard Simson (1810–1899) gewinnen. Seit 1831 war er – als erster (getaufter) Jude – an der Albertina Professor für Römisches Recht. Über seine Rolle in der Revolution von 1848/49 wird noch zu reden sein.

Ebenfalls Jurist und Professor für Staats-

экстраординарным профессором государственного права и промысла, потом ординариусом. Как ярый либерал, он выступал за свободу торговли и против протекционизма. Большую роль в развитии либерализма сыграл и юрист Эдуард Симсон (1810–1899 гг.). С 1831-ого года он – первый (крещённый) еврей – был профессором по римскому праву в Альбертине. О его роли в революции 1848/49 гг. ещё будет сказано ниже.

Также юристом и профессором по государственному праву в Кёнигсберге был Феликс Дан (1834–1912 гг.). Помимо основной работы он был ещё историком (многотомная история германских королевств), но особенно известен он ещё до сих пор благодаря своим театральным пьесам и историческим романам («Битва за Рим»), большая часть которых была написана в Кёнигсберге.

Реформу высшей школы в начале 19-ого века, которая сделала возможной специализацию по предметам и научные исследования и обучение в современном смысле, нужно рассматривать во взаимосвязи с широкомасштабно задуманным курсом реформ в целом. Глубокие перемены, происшедшие в политических взглядах студентов и доцентов в течение 19-ого века, также тесно связаны с этим курсом реформ. Наполеоновские войны разбудили в кёнигсбергских студентах чувство национальной принадлежности к немцам. После выступления генерала Йорка перед студенчеством 08.01.1813-ого года кёнигсбергское студенчество с восторгом принимало участие в «освободительных войнах» против Франции. В Альбертине после 1815-ого года из сознания того, что национальное освобождение было приближено своими руками и направлено на демократические рельсы вплоть до

recht in Königsberg war Felix Dahn (1834-1912). Nebenbei betätigte er sich als Historiker (mehrbändige Geschichte der germanischen Königreiche). Am bekanntesten ist er allerdings bis heute durch seine Theaterstücke und historischen Romane („Ein Kampf um Rom“), die zu einem großen Teil in Königsberg entstanden sind.

Wie die Hochschulreform zu Beginn des 19. Jahrhunderts, die eine fachliche Spezialisierung und damit wissenschaftliche Forschung, Lehre und Studium im modernen Sinne erst ermöglichte, nur im Zusammenhang des großangelegten Reformwerks zu sehen ist, das die gesamte Gesellschaft in Preußen zu dieser Zeit erfaßte, so hat auch der tiefgreifende Wandel in der politischen Haltung von Studenten und Dozenten während des 19. Jahrhunderts hier seinen Ursprung. Es waren die Kriege gegen Napoleon, die auch in der Königsberger Studentenschaft ein deutsches Nationalgefühl entstehen ließen. Königsberger Studenten nahmen seit 1813 (Auftreten des Generals Yorck vor der Königsberger Studentenschaft am 8. Januar 1813) begeistert am „Befreiungskrieg“ gegen Frankreich teil. Aus dem Bewußtsein, die nationale Befreiung selbst herbeigeführt zu haben und sie in demokratischen Bahnen bis hin zur Vereinigung Deutschlands zu vollenden, entstand an der Albertina nach 1815 die Deutsche Burschenschaft. Schon die Verwendung des Begriffes „deutsch“ deutet den Wandel an, der sich im studentischen Verbindungswesen im Vergleich zum 18. Jahrhundert vollzogen hatte. Aus den studentischen Vereinigungen auf regionaler Grundlage, den sog. „Landsmannschaften“ (den informellen Nachfolgern der im 18. Jahrhundert endgültig eingegangenen Nationalkollegien), und vereinzelt, in Königsberg nicht

объединения Германии, возникло движение немецких буршей «Deutsche Burschenschaft» или так называемые студенческие корпорации. Уже слово «немецкий» обозначает перемену, которая произошла по сравнению с 18-ым веком в форме студенческих объединений. Из студенческих объединений на региональном уровне, т. н. «землячеств» (неформальные последователи окончательно распавшихся в 18-ом столетии национальных коллегий) и из отдельных современных студенческих объединений (наличие их предшественников в Кёнигсберге не доказано) возникло объединение на национальном уровне. Существенно новым в этом студенческом движении было то, что здесь традиционные формы студенческой жизни, возникшие вдалеке от революционных событий на смене веков (студенческие дуэли, застольные обряды, ритуалы, организация по региональному принципу, выбор единой формы в одежде, праздники, балы и т. д.) наполнились либерально-демократическим, частично революционным и национальным содержанием. Разумеется, это новое политическое сознание студенчества и части профессоров, особенно молодых, не могло существовать бесконфликтно в прусском государстве, так как его политика, как и во всей Германии периода Реставрации, была отнюдь не либеральной.

Исходным пунктом для основания кёнигсбергской студенческой корпорации 14.11.1817-ого года, послужил, кроме праздника в Вартбурге, ещё ряд празднеств в Гальтгарбене, устроенных в честь кёнигсбергских студентов, павших в освободительной войне. Недоверие и подозрительность, с которыми государственные службы отнеслись к студенческому движению, перешли после убийства русского надворного советника

nachweisbaren Vorläufern des modernen Verbindungswesens wurde ein Zusammenschluß auf nationaler Ebene. Das grundsätzlich Neue an dieser Studentenbewegung war, daß hier traditionelle Formen studentischen Lebens, die ihren Ursprung z.T. weit vor den revolutionären Ereignissen um die Jahrhundertwende hatten (studentische Duelle, Trinksitten, Initiationsrituale, Organisation nach regionaler Herkunft, Wahl gemeinsamer Erkennungsmerkmale wie Kleidung, Feste, Bälle usw.) mit liberal-demokratischem, z.T. revolutionärem und nationalem Inhalt gefüllt wurden. Natürlich konnte dieses neue politische Bewußtsein der Studentenschaft und z.T. auch der jüngeren Dozenten nicht konfliktfrei im preußischen Staat existieren, da dessen Politik – wie in der Restaurationszeit in Deutschland allgemein – von allem anderen als von liberalen Grundsätzen geleitet wurde.

Ausgangspunkt für die Gründung der Königsberger Burschenschaft am 14. November 1817 waren neben dem Wartburgfest (18./19. Oktober 1817) eine Reihe von Festlichkeiten auf dem Galtgraben, die zu Ehren der in den Befreiungskriegen gefallenen Königsberger Studenten abgehalten worden waren. Das Mißtrauen, dem staatliche Stellen der Studentenbewegung begegneten, wurde nach den Karlsbader Beschlüssen, die auf Metternichs Initiative der Ermordung des russischen Hofrats August von Kotzebue durch den Studenten Karl Sand im Deutschen Bund verabschiedet wurden, zur offenen Unterdrückung. Auch in Königsberg wurde die Deutsche Burschenschaft verboten, ihre Mitglieder gemäßregelt (1819). Die Neugründung von studentischen Verbindungen erfolgte zumeist in Form von äußerlich unpolitischen Tarnorganisationen. Aus stu-

Августа фон Коцебу студентом Карлом Людвигом Зандом и после Карлсбадских решений, принятых Немецким Союзом по инициативе Меттерниха, в открытое подавление, и в Кёнигсберге была запрещена Немецкая корпорация студентов, к её членам применялись репрессивные меры (1819 г.). Оживление деятельности студенческих союзов происходило в основном в форме маскировочных организаций, внешне далёких от политики. Из студенческих кружков возникли новые землячества (Литуания 1829, Мазовия 1830, Балтия 1834 и Норманния 1835), организованные по особенно благородным корпусным принципам: очень строгие правила приёма и правила сатисфакции при дуэлях. Эти начиная с 60-х годов землячества и назывались «Corps». Кроме того, возникли новые студенческие корпорации, например «Hochhemia» (1838), «Germania» (1843), «Gothia» (1854). До 1848 года они имели оппозиционный характер, основанный на либерализме. Это выражалось, кроме прочего, в широко распространённых симпатиях к Польше (особенно во время польского восстания в 1830-ом году и в роли студенческих объединений в «Vormärz»-времени перед Гражданской революцией 1848/49 гг.). Все без исключения кёнигсбергские либералы этого времени были представителями вышеназванных корпораций: Рудольф, Густав и Фердинанд Грегоровиус были членами «Мазовии», Альбрехт Дульк и Фердинанд Фальксон – «Гохемии», Вильгельм Иордан, Иоганн Якоби и Эдуард фон Симсон – «Литуании».

Именно Иоганн Якоби и Эдуард фон Симсон должны были стать профилирующими представителями либерализма. Ряд политических процессов сопровождали преследования врача

dentischen „Kränzchen“ entstanden neue Landsmannschaften (*Littuania* 1829, *Masovia* 1830, *Baltia* 1834 und *Normannia* 1835), die sich nach dem besonders vornehmen Corpsprinzip organisierten – besonders strenge Zugangskriterien und Satisfaktionsregeln bei Duellen – und sich seit den Sechziger Jahren auch „Corps“ nannten. Hinzu kamen weitere Verbindungen (z. B. *Hochhemia* 1838, *Germania* 1843, *Gothia* 1854). Allen war während der Zeit bis 1848 die oppositionelle Haltung auf Grundlage des Liberalismus zu eigen. Das äußerte sich u. a. in der weitverbreiteten Polenbegeisterung (insbesondere während des polnischen Aufstands 1830) und in der Rolle, die studentische Verbindungen im Vormärz, der Zeit vor der bürgerlichen Revolution von 1848/49 spielten. Ausnahmslos alle Königsberger Vertreter des Liberalismus dieser Zeit gehörten einer der genannten Korporationen an: Rudolf, Gustav und Ferdinand Gregorovius gehörten zur *Masovia*, Albrecht Dulck und Ferdinand Falkson waren Mitglieder der *Hochhemia*. Wilhelm Jordan, Johann Jacoby und Eduard von Simson waren „Litauer“.

Gerade die beiden letztgenannten sollten sich als besonders bedeutende Vertreter des Liberalismus profilieren. Eine ganze Reihe von politischen Prozessen begleitete die Verfolgungen, denen sich der Arzt J. Jacoby ausgesetzt sah, nachdem seine Autorschaft an den „Vier Fragen, beantwortet von einem Ostpreußen“ rüchbar geworden war. Entsprechend doch seine Präzisierung der Forderungen bürgerlich-revolutionärer Oppositioneller an die Staatsmacht genau dem Geist der Zeit. Er hatte gewissermaßen diese Weltanschauung programmatisch „auf den Punkt“ gebracht.

Von diesem liberalen Zeitgeist war die Tätigkeit Julius Ruppss (1809–1884) ge-

И. Якоби после того, как стало известным его авторство «Vier Fragen, beantwortet von einem Ostpreußen» («Четыре вопроса, на которые ответил пруссак»). Он в известном смысле прагматически поставил точку над і в их мировоззрении.

Этот либеральный дух времени отразился на деятельности Юлиуса Руппа (1809–1884 гг.), хотя его деятельность затрагивала не столько политический, сколько религиозный аспект жизни. Как пастор он пытался реформировать евангелическую церковь в духе Канта: в свободную по духу общину. В «Christliches Volksblatt» с 1844-ого года он преследует эту цель. В 1845-ом году он лишился своей должности и подвергся репрессиям.

1844 год имел особое значение в истории Альбертины: 300-летний юбилей Кёнигсбергского университета праздновался в Кёнигсберге и за его пределами не только представителями университета и государства, но и широкими слоями населения, особенно оппозицией – и в этом выразился весьма оппозиционно-критический дух времени.

Хотя город Кёнигсберг и его университет сдерживали свои революционные восторги в связи с событиями 1848/49 гг., вышеназванные либералы были самыми знаменитыми сторонниками революции в Германии. Среди них особенно выделялись Эдуард фон Симсон, профессор Альбертины, кёнигсбергский делегат во франкфуртской церкви св. Павла и президент Национального собрания во Франкфурте (от его имени он безуспешно попытался предложить прусскому королю Фридриху Вильгельму I корону немецкого кайзера) и Иоганн Якоби. Якоби, кёнигсбергский врач и депутат прусского Национального собрания в Берлине, набрал при выборах

prägt, wenngleich sie nicht direkt das politische, sondern eher das religiöse Leben betraf. Als Pfarrer versuchte er, die evangelische Kirche im Sinne Kants als freigeistige Gemeinschaft zu reformieren. Im „Christlichen Volksblatt“ arbeitete er seit 1844 auf dieses Ziel hin. Auch er wurde 1845 mit seiner Amtsenthebung gemäßregelt.

Das Jahr 1844 erwies sich als besonders bedeutend für die Geschichte der Albertina: Das dreihundertjährige Jubiläum der Königsberger Universität wurde nicht nur von Universitätsangehörigen und der Staatsmacht, sondern von weitesten Kreisen der Bevölkerung auch über Königsberg hinaus gefeiert, insbesondere auch von der Opposition. Auch hierin äußerte sich der liberale, kritisch-oppositionelle Zeitgeist.

Obwohl sich in der Stadt und Universität Königsberg selbst anlässlich der Ereignisse von 1848/49 die revolutionäre Begeisterung in Grenzen hielt, gehörten die oben genannten zu den prominentesten Vertretern der Revolution in Deutschland. Hervorgehoben seien hier nur Eduard Simson, Professor an der Albertina, Königsberger Delegierter in der Frankfurter Paulskirche und Präsident der dortigen Nationalversammlung, in deren Auftrag er dem preußischen König Friedrich Wilhelm IV. vergeblich die deutsche Kaiserkrone anbot, und Johann Jacoby. Der Königsberger Arzt und Abgeordnete der preußischen Nationalversammlung in Berlin war seinem Mitbewerber Simson bei der Wahl in seiner Heimatstadt unterlegen, erhielt aber ein Berliner Mandat für das Frankfurter Parlament.

Die konservative Reaktion nach dem Scheitern der Revolution machte sich auch an der Albertina bemerkbar. Das betraf zunächst besonders exponierte Vertreter liberaler Ideen, wie den erwähnten

на своей родине меньше голосов, чем Симсон, но получил берлинский мандат во Франкфуртский парламент.

Реакционный консерватизм после разгрома революции ощущался и в Альбертине. Прежде всего, он коснулся таких видных сторонников либеральных идей, как Юлиус Рупп, который в 1851-ом году был исключён из университета, где он преподавал. Напряженные отношения между студентами и полицией вели к открытым столкновениям, как в 1854-ом году, когда против студенчества были применены войска. В 1859-ом году были запрещены факельное шествие и общественное празднование студентами 100-летия со дня рождения Шиллера.

Коронация в 1861-ом году будущего кайзера Вильгельма I как короля Пруссии является поворотным пунктом, с которого вновь начинается сближение студентов с государственной властью. В помпезных торжествах по случаю коронации принимали участие и студенты. Началась эра Бисмарка: для Альбертины, как и для всех прусских, а с 1871-ого года для всех немецких университетов, это было время приспособления к идеалам и политической воле государственных органов. Это приспособление особенно заметно у студенчества и его организаций, корпораций и союзов. Из-за репрессий, последовавших после 1849-ого года, прежние организационные носители революционно-демократических идей становились все более аполитичными, особенно после образования Рейха в 1871-ом году. В Германии Вильгельма в них усилился немецкий национализм, который принимал даже реакционные черты.

Усилились антисемитские тенденции. Часто они приводили к исключению евреев из студенческих объединений. Вспомним, что и Якоби и Симсон, оба

Julius Rupp, der 1851 von der Universität ausgeschlossen wurde. Er war dort als Privatdozent tätig gewesen. Starke Spannungen zwischen Studenten und Polizei führten zu Tumulten und Krawallen, wie 1854, als sogar Militär gegen die Studentenschaft eingesetzt wurde. Noch 1859 wurde ein Fackelzug sowie eine öffentliche Feier der Studenten aus Anlaß des einhundertsten Geburtstags Schillers verboten.

Die Krönung des späteren Kaisers Wilhelms I. zum preußischen König 1861 stellt insofern einen Wendepunkt dar, als sie ungefähr den Beginn einer Wiedernäherung der Studenten an die Staatsmacht markiert. An den mit großem Pomp durchgeführten Feierlichkeiten nahm die Studentenschaft wieder Anteil. Die Bismarck-Ära hatte begonnen. Für die Albertina bedeutete das – wie zunächst für alle preußischen, dann, ab 1871, für die deutschen Universitäten – eine Zeit der Anpassung an Ideale und den politischen Willen der Staatsorgane. Diese Anpassung war bei der Studentenschaft, und hier wiederum bei ihren Organisationen, Corps, Verbindungen, Burschenschaften u. ä. am deutlichsten zu erkennen. Durch Repressionsmaßnahmen nach 1849 immer unpolitischer geworden, steigerten sich die einstigen Trägerorganisationen demokratisch-revolutionärer Ideen insbesondere nach der Reichsgründung 1871 z.T. in einen jetzt auf das wilhelminische Deutschland bezogenen deutschen Nationalismus, der auch reaktive Züge annahm. Insbesondere antisemitische Tendenzen breiteten sich stark aus und führten vielfach zum Ausschluß von Juden aus studentischen Verbindungen. Man bedenke: J. Jacoby und E. Simson, beide Juden bzw. jüdischer Abstammung, waren Mitbegründer des Königsberger studentischen Verbin-

еврейского происхождения, были участниками студенческих объединений в Кёнигсберге! В конце 18-ого века объединения стали возникать и по конфессиональному признаку: появились католические объединения (в Кёнигсберге «Thuiskonía», на уровне рейха протестантское общество «Wingolf», в Кёнигсберге с 1905-ого года), и – в противовес студенческому антисемитизму – еврейские сообщества: в Кёнигсберге это была «Friburgia» (названная по месту возникновения во Фрейбурге в Брейсгау) – классически-консервативная, вооруженная корпорация, а также сионистское сообщество «Maccabaea». Если студенческие группы «Туискония», «Вингольф», «Фрибургия», «Мацкабаа» всё ещё ориентировались на объединение определённого колёра, даже в случае отказа от фехтования – то Свободное студенчество было студенческим движением, отказавшееся примкнуть к какому-либо объединению старого типа.

В Кёнигсберге это движение сгруппировалось вокруг журнала «Альбертина». Среди них были и первые организации студенток Кёнигсбергского университета. Только в 1897-ом году было разрешено учиться в университете первым женщинам. До 1908-ого года они имели статус только вольнослушательниц. 350-летний юбилей Альбертины был отмечен в добром старом стиле Вильгельма и принёс с собой заложение фундамента «Palaestra Albertina». Это был единственный в своём роде среди немецких университетов комплекс зданий, финансированный одним благотворительным обществом, в который входили университетская столовая, рестораны, помещения для семинаров, библиотеки, спортивные и фехтовальные залы, а также закрытый бассейн – первый в Восточной Пруссии вообще.

дungslebens gewesen! Gegen Ende des 19. Jahrhunderts begann sich das Verbindungswesen auch in den konfessionellen Bereich auszudehnen. Es entstanden katholische Verbindungen (in Königsberg die *Thuiskonia*) und auf Reichsebene der protestantische *Wingolf* (in Königsberg seit 1905); hinzutreten – gerade forciert durch studentischen Antisemitismus bzw. als Gegenreaktion darauf – jüdische Verbindungen: In Königsberg waren das die *Friburgia* (so genannt nach ihrem Ursprungsort Freiburg im Breisgau, an der Albertina seit 1912) – eine konservativ-klassische, farben- und waffentragende, nichtschlagende, aber Satisfaktion verlangende Korporation – sowie der zionistische Verein jüdischer Studenten *Maccabaea* (seit 1904).

Orientierten sich die zuletzt genannten Studentengruppen – auch wenn sie auf die Mensur verzichteten – noch immer an den farbentragenden Verbindungen, so war die *Freistudentenschaft* bewußt als Bewegung von Studenten konzipiert, die keiner Verbindung im alten Sinne angehören wollten. In Königsberg sammelte sich diese Bewegung um die Zeitschrift *Albertina*. In ihrem Zusammenhang organisierten sich auch die ersten studierenden Frauen an der Königsberger Universität: Freilich dauerte es bis 1897, daß hier Frauen zum Studium zugelassen wurden; bis 1908 hatten sie nur den Status von Gasthörerinnen, keineswegs den von ordentlichen Studierenden.

Das dreihundertfünfzigjährige Jubiläum der Albertina, ganz im gemütvoll-historisierenden wilhelminischen Stil begangen, brachte immerhin die Grundsteinlegung der *Palästra Albertina* mit sich. Der von einem Förderverein finanzierte Gebäudekomplex umfaßte die Universitätsmensa, Gaststätten, Tagungsräume, Bibliotheken, Sport- und Fechthallen sowie

Первая мировая война непосредственно отразилась на Альбертине в том смысле, что Восточная Пруссия была единственной немецкой территорией, на которой происходили военные действия. Кёнигсберг был объявлен крепостью, что повлекло за собой массовую эвакуацию многочисленных служб, группирование большого количества войск, а также поток беженцев, нахлынувший из занятых русскими территорий. Таким образом, Кёнигсберг стал практически фронтовым городом, что не могло не отразиться на его университете, так что Гинденбург после его побед у Танненберга и в Мазурии стал почётным доктором всех четырёх факультетов. Более значительным оказалось создание новых институтов, которые согласно их уставам, были связаны с военными целями Германии в первой мировой войне. Они должны были научно заниматься экономическими и культурными аспектами послевоенной Восточной Европы при гегемонии Германии. Здесь надо назвать новую кафедру славистики (1915 г.) и Институт восточногерманской экономики (1916 г.). Значительно отразилась война на студенчестве. Так, во время зимнего семестра 1915/16 г. из 1299 студентов 880 были на фронте, из оставшихся 419 студентов почти половину составляли женщины. Всего в первой мировой войне погибло 300 кёнигсбергских студентов.

Последняя фаза Альбертины – сначала переходная функция к Востоку, а затем приобщение к господствующей идеологии

Окончание войны ещё раз принципиально изменило ситуацию высшей школы. Кёнигсбергский университет теперь оказался в ситуации университета, нахо-

ein Hallenbad – das erste in Ostpreußen überhaupt – und war zu seiner Zeit einzigartig in der deutschen Hochschullandschaft.

Der Erste Weltkrieg betraf die Albertina insofern direkt, als Ostpreußen als einzige deutsche Landschaft in die militärischen Auseinandersetzungen einbezogen wurde. Königsberg wurde zur Festung erklärt, was die Evakuierung zahlreicher Behörden, sowie die Massierung großer Truppenkontingente und den Zustrom zahlreicher Flüchtlinge aus den russisch besetzten Gebieten der Provinz zur Folge hatte. Daß Königsberg praktisch zur Frontstadt geworden war, konnte auch auf die dortige Universität nicht ohne Wirkung bleiben. Am geringfügigsten mag in dieser Beziehung noch die Tatsache erscheinen, daß Hindenburg nach seinen Siegen bei Tannenberg und in Masuren von allen vier Fakultäten zum Ehrendoktor ernannt wurde. Nachhaltiger wirkte die Einrichtung neuer Institute, die, wie aus ihren Satzungen hervorgeht, mit den deutschen Kriegszielen im Ersten Weltkrieg verbunden waren. Sie sollten sich wissenschaftlich mit wirtschaftlichen und kulturellen Aspekten eines nach dem Kriege neu zu ordnenden Osteuropa unter deutscher Hegemonie beschäftigen. Zu nennen sind hier der neue Lehrstuhl für Slavistik (1915) sowie insbesondere das Institut für ostdeutsche Wirtschaft (1916).

Besonders gravierend waren die Kriegseinwirkungen auf die Studentenschaft. So waren im Wintersemester 1915/16 von 1299 Studenten 880 im Feld, von den übrigen 419 Studierenden waren ca. die Hälfte Frauen. Insgesamt 300 Königsberger Studenten sind im Ersten Weltkrieg gefallen.

дающегося на территории, отрезанной от рейха. Альбертина была одной из немногих высших школ в восточных провинциях немецкого рейха и самой восточной вообще. Особое территориальное положение Восточной Пруссии, не имевшей территориальной связи с рейхом, принесло новые импульсы университетским исследованиям. Институт по воздушному праву при юридическом факультете, основанный в 1925-ом году специалистом по международному праву Отто Шрайбером (1882–1929 гг.), был первым в своём роде институтом в мире. Перед основанными во время войны институтами стояли новые задачи. Они должны были теперь посвятить себя научным исследованиям мирных проблем Восточной Европы. В связи с этим они играли важную роль в установлении взаимоотношений Германии с восточноевропейскими соседями. Ярко выраженный интерес к восточной части Центральной Европы распространяется, разумеется, и на исследование условий существования немцев в этом регионе. Следствием этого было форсирование исследований в области краеведения, истории и географии региона. В связи с этим следует назвать историков Альберта Бракмана, Эриха Машке и Ганса Ротфельса, славистов Рейнгольда Траутмана и Карла Генриха Мейера, германистов Иозефа Надлера и Вальтера Циземера.

Одним из значительных событий, относящихся ко времени до 1933-ого года, было, кроме постройки ещё одного здания (1928 г.), празднование 200-летнего юбилея со дня рождения Иммануила Канта в 1924-ом году. Кроме научной конференции, которая еще раз подтвердила хорошую международную репутацию Кёнигсбергского университета, оно принесло ощутимый и до сего дня мате-

Die letzte Phase der Albertina: Brückenfunktion zum Osten, dann nationalsozialistische Gleichschaltung

Der Ausgang des Krieges änderte die Situation der Hochschule wiederum grundlegend. Die Königsberger Universität fand sich jetzt, vergleichbar mit ihrem Status im 18. Jahrhundert, in der Lage einer Landesuniversität eines Territoriums wieder, das vom übrigen Reichskörper getrennt war. Die Albertina war eine der wenigen Hochschulen in den Ostgebieten des Deutschen Reiches – und dessen östlichste überhaupt. Die exterritoriale Lage Ostpreußens, das keine Landverbindung mit dem Reichsgebiet hatte, brachte der universitären Forschung durchaus neue Anregungen. Das Institut für Luftrecht an der Juristischen Fakultät – gegründet 1925 von dem Völkerrechtler Otto Schreiber (1882–1929) – war das erste seiner Art in der Welt. Den im Krieg entstandenen Instituten wuchsen neue Aufgaben zu. Sie sollten sich nun der friedlichen wissenschaftlichen Erforschung der Probleme Osteuropas widmen. Insofern hatten sie eine wichtige Rolle bei der Gestaltung des Verhältnisses Deutschlands zu seinen osteuropäischen Nachbarn. Das starke Interesse am östlichen Mitteleuropa erfaßte selbstverständlich auch die Existenzbedingungen von Deutschen in dieser Region. Das hatte eine Forcierung der landeskundlichen und landesgeschichtlichen Forschung zur Folge. An Namen sind hier die Historiker Albert Brackmann, Erich Maschke sowie Hans Rothfels zu nennen; bei den Slavisten Reinhold Trautmann und Karl Heinrich Meyer, bei den Germanisten Josef Nadler und Walter Ziesemer.

Das bedeutendste Ereignis der Zeit bis

риальный результат – новая могила Канту у собора.

Вышеописанная ситуация Кёнигсбергского университета была очень привлекательной для его студентов. Во всяком случае, Альбертина насчитывала в 1918–1933 гг. наибольшее количество обучающихся (1930 г. – 4113 студентов, из них 761 женщина). Учитывая особое положение и научную направленность Кёнигсбергского университета, следует обратить внимание на то, что во время Веймарской республики ни один доцент не придерживался националистических или национал-социалистических позиций. Среди студенчества это выглядело совсем иначе: здесь царили националистические или откровенно нацистские настроения. Так в 1921-ом году все кёнигсбергские студенческие корпорации (кроме двух еврейских) объединились в Немецкий университетский союз («Hochschulbund deutscher Art»). Между этим объединением и социал-демократическим по духу министерством культуры возник конфликт даже во время открытия нового университетского здания в 1928-ом году. Начало национал-социалистической деятельности среди студенчества относится уже к 1925-ому году. 19 мая 1926 года была организована первая ячейка Национал-социалистического Немецкого Союза Студентов НСНС («Nationalsozialistischer Deutscher Studentenbund»/ NSDStB). Численность этой поначалу незначительной группы – 15 членов в 1928-ом году – уже во время Веймарской республики стремительно увеличилась: при выборах студенческого совета в 1930-ом году национал-социалисты получили 38,7% голосов (719 голосов получил НСНС, 106 голосов – список национал-социалистических студентов из 2130 проголосовавших).

1933 war neben der Einweihung eines Erweiterungsbaus (1928) die Feier zum zweihundertsten Geburtstag Immanuel Kants (1924). Neben einer wissenschaftlichen Konferenz, die nachdrücklich das internationale Renommee der Königsberger Universität bestätigte, hatte sie ein bis heute auch materiell greifbares Resultat: den Bau der neuen Kantgruft am Dom.

Die oben geschilderte Situation der Königsberger Universität scheint für die Studierenden außerordentlich attraktiv gewesen zu sein. Immerhin erreichte die Albertina zwischen 1918 und 1933 ihre bis dahin höchsten Studentenzahlen (1930: 4113 Studierende, davon 761 Frauen).

Angesichts der besonderen Lage und der wissenschaftlichen Ausrichtung der Königsberger Universität ist es bemerkenswert, daß während der Zeit der Weimarer Republik kein Dozent extrem nationalistische oder gar nationalsozialistische Positionen vertrat. Das sah bei der Studentenschaft durchaus anders aus: hier war die Grundstimmung durchweg national bis nationalistisch. So hatten sich alle Königsberger Korporationen (bis auf die beiden jüdischen) 1921 zum *Hochschulbund deutscher Art* zusammengeschlossen: Diese Vereinigung geriet sogar anläßlich der Einweihung des Universitätsneubaus 1928 in Auseinandersetzungen mit dem sozialdemokratisch geleiteten preußischen Kultusministerium. Eine erste nationalsozialistische Organisationstätigkeit innerhalb der Studentenschaft läßt sich bereits 1925 nachweisen. Die Gründung einer Ortsgruppe des *Nationalsozialistischen Deutschen Studentenbundes* (NSDStB) erfolgte am 19. Mai 1926. Der Aufstieg der anfangs zahlenmäßig bedeutungslosen Gruppe (1928: 15 Mitglieder) war indessen schon während der Weimarer Zeit sprunghaft.

Время с 1933 по 1945 год – последние годы немецкого университета в Кёнигсберге – мало отличается от истории других немецких университетов того времени. Непосредственно после захвата власти нацистами произошло нивелирование («Gleichschaltung»). Единственной разрешенной политической студенческой организацией стал НСНС. Начиная уже с 1932-ого года, он доминирует по результатам выборов в высшем органе студентов – в Немецком студенчестве («Deutsche Studentenschaft»), тогда же наступило время первых запретов, особенно социалистических и еврейских организаций. Введение принципа Фюрера устранило к апрелю 1933-его года парламентско-демократические традиции.

Под предводительством НСНС 10 мая 1933 года состоялось сожжение книг еврейских, коммунистических и других, неугодных нацистам, авторов. Другие традиционные студенческие корпорации и сообщества также подверглись нивелированию. К 1936-ому году их либо запретили, либо вынудили перестроиться или подчинили НСНС.

В 1934-ом году Альбертина была объявлена Гитлером университетом рейха. Исключены были неугодные доценты – евреи. Самым известным среди них был уже упоминавшийся Ганс Ротфельс. Но и «неевреи» вытеснялись со своих должностей: это произошло, например, с теологом и бывшим ректором Альфредом Уккелей (1874–1955 гг.) или с литературоведом Паулем Ханкаммером, который был католиком. Новые доценты, как правило, были членами НСДАП или ее сторонниками, как историк Отто Вестфаль, пришедший в 1936-ом году в Кёнигсберг. Теодор Оберлендер, которому было присвоено в 1934-ом году звание доцента экономических и госу-

Bereits bei den Wahlen zum Allgemeinen Studentenausschuß (ASTA) 1930 erhielten die Nationalsozialisten 38,7% der abgegebenen Stimmen: 719 Stimmen für den NSDStB, 106 Stimmen für die Liste Nationalsozialistischer Studentinnen bei insgesamt 2130 abgegebenen Stimmen. Die Zeit von 1933 bis 1945 – die letzte Phase der deutschen Universität in Königsberg – unterscheidet sich grundsätzlich wenig von der Geschichte deutscher Universitäten in dieser Zeit. Schon unmittelbar nach der Machtergreifung kam es zur üblichen Gleichschaltung der Studentenschaft. Alleinige politisch berechnete Studentenorganisation wurde der NSDStB.

Schon seit 1932 hatte er nach regulären Wahlen die Dachorganisation der deutschen Studierenden, die *Deutsche Studentenschaft*, dominiert. Jetzt kam es zu ersten Verboten insbesondere sozialistischer und jüdischer Studentenorganisationen, die Einführung des Führerprinzips in der *Deutschen Studentenschaft* beseitigte im April 1933 deren parlamentarisch-demokratische Tradition.

Unter Führung des NSDStB fanden auch in Königsberg am 10. Mai 1933 die berühmtesten Verbrennungen von Büchern jüdischer, kommunistischer und anderen den Nationalsozialisten mißliebiger Autoren statt.

Die Gleichschaltung betraf auch die farbentragenden traditionellen Corps und Verbindungen: bis 1936 wurden sie entweder verboten oder zur Selbstauflösung oder Umwandlung in Untergruppierungen des NSDStB gezwungen.

1934 schon war die Albertina von Hitler zur „Reichsuniversität“ erklärt worden. Die Ausschaltung mißliebiger Dozenten betraf zunächst wieder insbesondere Juden. Der bekannteste von ihnen war der schon erwähnte Hans Rothfels. Aber

дарственных наук, или Альфред Зикс, который основал в Кёнигсберге в рамках юридического факультета Научный институт газетного дела – он должен был служить «научному» обоснованию нацистской пропаганды. Реорганизация или открытие новых университетских институтов происходило в духе национал-социалистической идеологии. Так Институт восточно-германской экономики был переименован в Институт восточноевропейской экономики и объединен с семинаром по государственоведению в Институт государственных наук. Его руководителем стал старый национал-социалист Ганс Бернгард фон Грюнберг, который был последним ректором немецкого университета в Кёнигсберге (1937–1945 гг.). К типично нацистским новообразованиям относился и Рассово-биологический институт, руководимый Лотаром Лёфлером (осн. в 1934-ом году).

Из-за падающего научного уровня и общей враждебности к науке нацистских властолюбцев стремительно уменьшалось число студентов: в 1936-ом году в Альбертине училось ещё 2699 студентов, в 1937-ом году – 1665, в 1938-ом году только 1321 студент.

Не помогло ни введение «Langemarckstudium», призванного привести в университет рабочих и крестьян, ни пропаганда т. н. «восточного семестра». Предполагалось, что студенты из западных регионов Германии должны были провести один семестр в восточно-германском университете.

Несмотря на формальное приспособление, и имелись в это время научные достижения, пережившие немецкий университет в Кёнигсберге, и оказавшие большое влияние на развитие западно-германской науки в послевоенное время. Здесь можно назвать историков Гер-

auch Nichtjuden wurden aus ihren Ämtern gedrängt: so z. B. der evangelische Theologe und frühere Rektor Alfred Uckeley (1874–1955) oder der Literaturhistoriker Paul Hankamer, der sich als Katholik bekannte. Neue Dozenten waren in aller Regel Mitglieder der NSDAP oder zumindest der Partei verbunden, so der Historiker Otto Westphal, der 1936 nach Königsberg kam, Theodor Oberländer, der sich hier 1934 für Wirtschafts- und Staatswissenschaften habilitierte, oder Alfred Six, der 1935 in Königsberg im Rahmen der Rechts- und staatswissenschaftlichen Fakultät ein Zeitungswissenschaftliches Institut gründete. Es sollte der „wissenschaftlichen“ Begründung nationalsozialistischer Propaganda dienen. Umorganisationen bzw. Neugründungen von Universitätsinstituten erfolgten im Sinne der nationalsozialistischen Ideologie. So wurde das Institut für ostdeutsche Wirtschaft als Institut für osteuropäische Wirtschaft mit dem Staatswissenschaftlichen Seminar zum Staatswissenschaftlichen Institut zusammengelegt. Sein Leiter war der Nationalsozialist Hans Bernhard von Grünberg, von 1937 bis 1945 letzter Rektor der deutschen Universität Königsberg. Zu den typisch nationalsozialistischen Neugründungen gehörte auch das Rassebiologische Institut unter Lothar Löffler (gegr. 1934).

Dem sinkenden wissenschaftlichen Niveau wie der ganz allgemeinen Wissenschaftsfeindlichkeit der nationalsozialistischen Machthaber entsprach ein drastischer Rückgang der Studentenzahlen: 1936 studierten noch 2699 Studenten an der Albertina, 1937 waren es 1665, 1938 nur noch 1321 Studenten.

Diesen Rückgang verhinderten weder die Einführung des „Langemarckstudiums“, das Arbeiter und Bauern an die Uni-

верта Грундмана, Эрнста Машке, Теодора Шидера (1942 г. ординариус), Конрада Лоренца (с 1940-ого года завкафедрой психологии), и социолога Гельмута Шельски (защитил докторскую диссертацию в 1939-ом году).

Зловещим с нынешней точки зрения кажется празднование 400-летнего юбилея университета с 7 по 10 июля 1944-ого года. Несмотря на то, что Советская Армия уже приближалась к Восточной Пруссии, здесь все ещё верили в «Эндзиг» т. е. в «окончательную победу». Правительство рейха обещало 8 новых профессур к юбилею университета.

Несколько недель спустя, во время бомбежек с 26 на 27 и с 29 на 30 августа 1944-ого года, Альбертина и весь старый город были превращены в руины.

В январе 1945-го года немецкий университет в Кёнигсберге перестал работать.

versität bringen sollte, noch die Propagierung des „Ostsemesters“. Hier sollte erreicht werden, daß Studenten aus dem Westen Deutschlands einen Teil ihres Studiums an einer ostdeutschen Hochschule absolvieren sollten.

Trotz formaler Anpassung gab es aber auch zu dieser Zeit wissenschaftliche Leistungen, die über das Ende der deutschen Universität Königsberg hinauswiesen, indem sie Karrieren begründeten, die großen Einfluß auf die Wissenschaftsentwicklung (West)-Deutschlands in der Nachkriegszeit gewinnen sollten. Zu nennen sind hier die Historiker Herbert Grundmann, Ernst Maschke, Theodor Schieder (1942 Ordinarius), Konrad Lorenz (1940 Ordinariat für Psychologie) und der Soziologe Helmut Schelsky (1939 in Königsberg habilitiert).

Geradezu makaber erscheint aus heutiger Sicht die Feier des vierhundertjährigen Jubiläums der Albertus-Universität vom 7. bis 10. Juli 1944. Obwohl sich zu dieser Zeit die Rote Armee bereits Ostpreußen näherte, wurde auch hier immer noch vom „Endsieg“ ausgegangen. Unter anderem versprach die Reichsregierung noch anlässlich des Jubiläums acht neue Professuren.

Nur wenige Wochen später, in den beiden Nächten vom 26. zum 27. und vom 29. zum 30. August 1944 versank die Albertina mitsamt der ganzen Altstadt in Schutt und Asche.

Im Januar 1945 stellte die deutsche Universität in Königsberg ihre Arbeit ein.

Hochschulentwicklung nach 1945 in Kaliningrad

Veronika Tschernyschowa
Olga Schtscheglowa

1992 wurde die Kaliningrader Staatsuniversität 25 Jahre alt. Sie entstand in einer Stadt, in der vor 450 Jahren die Königsberger Universität als eine der ältesten in Europa gegründet wurde.

Die Entstehung der Universität ist auf eine örtliche Initiative zurückzuführen und auf die Umstrukturierung der Kaliningrader Pädagogischen Hochschule aufgrund des Erlasses des Ministerrates der Russischen Föderation vom 25. Februar 1967. Die Kaliningrader Pädagogische Hochschule, die im Jahre 1948 gegründet wurde, bildete pädagogische Lehrkräfte in vier Fakultäten aus: in Geschichte und Philologie, Physik und Mathematik, in Naturwissenschaften sowie in Pädagogik. Das Niveau der Hochschule war sehr bescheiden: nur ein Professor war hier beschäftigt. Das Kaliningrader Gebiet benötigte dringend eine Universität, wo man eine vielseitige Ausbildung bekommen konnte, wo die Fächer nicht nur als Lehrfächer, sondern auch als reale Wissenschaft betrachtet würden, wo Lehre mit Forschung verbunden sein sollte und die Absolventen auch fähig sein würden, zu unterrichten und effizient in der Wissenschaft, Wirtschaft und Verwaltung zu arbeiten.

Diesen Aufgaben mußte sich die neue Universität stellen.

Die Kaliningrader Universität entwickelte sich schnell. Schon 1967 kam zu den vier Fakultäten eine weitere hinzu, die Fakultät für Wirtschaftsrecht, die Juristen für juristische Dienste der Region ausbildete. Danach entwickelten sich aus den gemischten Fakultäten selbständige: Geo-

Развитие вузов в Калининграде после 1945-го года

Вероника Чернышова
Ольга Щеглова

Калининградскому государственному университету в 1992 г. исполнилось 25 лет. Он создан в городе, где 450 лет назад был основан один из старейших в Европе Кёнигсбергский университет.

Университет был учрежден по местной инициативе постановлением Совета Министров РСФСР от 25 февраля 1967 года путем преобразования пединститута. Калининградский пединститут, созданный в 1948 году, готовил педагогические кадры на четырех факультетах, историко-филологическом, физико-математическом, естественных наук, педагогическом. По своему уровню это был скромный вуз, в котором работал лишь один профессор. Область нуждалась в университете, где дается более разнообразное образование, предметы изучаются не только как учебные дисциплины, но и как реальные науки, обучение сочетается с исследованием, выпускники способны и преподавать, и эффективно работать в науке, хозяйстве, управлении. Эти задачи и призван был решать новый университет.

Калининградский университет быстро развивался. Уже в 1967 году к четырем имевшимся прибавился экономико-правовой факультет, готовящий правоведов для юридических служб области.

Затем из смешанных стали выделяться специализированные факультеты: географический (1972 г.), химический (1977 г.), биологический (1977 г.), исторический (1979 г.), филологический (1979). В 1980-е годы созданы новые факультеты: педагогический (1983), индустриально-педагогический (1983 г.), физи-

graphie (1972), Chemie (1977), Biologie (1977), Philologie (1979) und die Fakultät für Geschichte (1979).

In den 80er Jahren wurden neue Fakultäten gegründet: für Pädagogik (1983), für Industriepädagogik (1983) und für Sport (1988). Jetzt werden auf den elf Fakultäten hochqualifizierte Fachkräfte in 17 Fachrichtungen und Berufszweigen ausgebildet. Die Universitätsstruktur ist auch in Hinsicht auf Zusammensetzung und Spezialisierung der Lehrstühle verbessert worden. Die Zahl der Lehrstühle steigerte sich von 14 auf 43. Die Zahl der Mitarbeiter hat sich vervierfacht. Hier arbeiten 40 Doktoren und Professoren und ca. 200 Kandidaten der Wissenschaften und Dozenten. Einen akademischen Grad haben 70% der Dozenten (das ist ein überdurchschnittlicher Wert in Rußland). Von den insgesamt 6000 Studenten sind 3600 für ein Tagesstudium eingeschrieben, die übrigen verteilen sich auf Abend- und Fernstudiengänge.

Als einen der angesehensten Professoren muß man unbedingt den Gründer der wissenschaftlichen Schulen der Geometrie nennen, den Dekan der Mathematischen Fakultät, W. S. Malachowskij, dann den Erfinder einer Reihe von Neuentwicklungen, den Dekan der Fakultät für Physik, W. S. Gretschischkin; weiterhin den leitenden Spezialisten auf dem Gebiet der Metallkorrosion, den Inhaber des Lehrstuhls für physikalische und Kolloidalchemie, S. M. Beloglasow, und schließlich den Leiter der wissenschaftlichen Schule für Geschichte der Agrarbeziehungen in Rußland, G. P. Schidkow. Zu den bekanntesten Biologen gehört auch Professor L. O. Belopolskij, der die ornithologische wissenschaftliche Forschungsrichtung entwickelte. Er hat erfolgreiche Forschungen auf der Basis der Biostation des Zoologischen Instituts der

chesкого воспитания (1988 г.). Сейчас 11 факультетов готовят кадры высшей квалификации по 17 специальностям и многим специализациям. Структура университета усовершенствована и в части состава и специализации кафедр. Их число увеличено с 14 до 43. Педагогический коллектив увеличился вчетверо. Здесь работают 40 докторов наук, профессоров и около 200 кандидатов наук, доцентов. Ученые степени и звания имеют 70% преподавателей (по этому показателю КГУ превосходит средне-русский уровень). На дневном, вечернем и заочном отделениях университета обучаются 6 тыс. студентов, в том числе на дневном отделении – 3,6 тыс. Среди видных профессоров университета нельзя не отметить создателя одной из научных школ геометров, декана математического факультета В. С. Малаховского, автора ряда открытий и изобретений; декана физического факультета В. С. Гречишкина, видного специалиста по коррозии металлов, заведующего кафедрой физической и коллоидной химии С. М. Белоглазова; возглавлявшего научную школу по истории аграрных отношений России Г. П. Жидкова. Известным биологом был и профессор Л. О. Белопольский, развивший орнитологическое научное направление. Им были развернуты плодотворные исследования на базе биостанции зоологического института Академии наук, расположенной на путях массового перелета птиц вдоль Куршской косы. Таким образом, университетом были продолжены традиции Иоганнеса Тинеманна, организовавшего на косе в 1901 году орнитологическую станцию. Основателем первой в стране кафедры географии океана стал известный исследователь Арктики профессор М. М. Ермолаев. Работая в Калининградском уни-

Akademie der Wissenschaften durchgeführt. Die Station befindet sich auf den Wegen der Vogelzugbahn entlang der Kurischen Nehrung. So wurde von der Universität die Tradition von Johannes Thienemann, der 1901 dort eine ornithologische Station gegründet hatte, fortgesetzt. Den ersten Lehrstuhl für Meeresgeographie in Rußland gründete der bekannte Polarforscher, Professor M. M. Ermolajev. Während seiner Beschäftigung an der Kaliningrader Universität hat er seine Monographie „Einführung in die physische Geographie“ publiziert, die mit der P.-P.-Semenov-Goldmedaille des Geographischen Vereins Rußlands ausgezeichnet wurde.

An der Universität entstanden 18 wissenschaftliche Forschungsrichtungen, in deren Rahmen jetzt zehn föderale und regionale Programme durchgeführt werden. Unter der Leitung der Universität stehen drei Schwerpunkte des Föderationsprogramms „Rußlands Völker. Wiedergeburt und Entwicklung“. Um die ganze auf öffentliche Mittel angewiesene wissenschaftliche Arbeit mit regionaler Thematik zu koordinieren, wurde an der Universität ein wissenschaftliches Forschungsinstitut für komplexe Regionalforschung gegründet. Die Wissenschaftler der Universität haben ein Konzept für den Übergang der Region zu relativer wirtschaftlicher Unabhängigkeit ausgearbeitet. Eine einzigartige Richtung, die internationale Bedeutung hat, ist das Studium der deutschen klassischen Philosophie mit der Lehre Immanuel Kants und deren Einfluß auf die russische Kultur. 1974 wurde an der Kaliningrader Universität das Immanuel-Kant-Museum eröffnet. Das Museum ist nicht nur ein Ort, wo Materialien über Kant gesammelt und aufbewahrt werden, sondern auch ein Zentrum der Erforschung seines literari-

верситете он опубликовал монографию «Введение в физическую географию», удостоенную Золотой медали им. П. П. Семенова Географического общества страны. В университете сформировалось 18 научных направлений, в рамках которых сейчас выполняется 10 федеративных и региональных программ. В федеральной программе «Народы России: возрождение и развитие» университет стал головным по выполнению трех её разделов. Для координации всей бюджетной научной работы по региональной тематике при университете создан научно-исследовательский институт комплексных исследований региона (НИИ-КИР). Университетские ученые разработали концепцию перехода области к относительной экономической самостоятельности.

Уникальное направление, имеющее международное значение – изучение немецкой классической философии. Особенно много в его рамках сделано для изучения идей И. Канта и их влияния на русскую культуру. В 1974 году в КГУ создан Музей И. Канта. Музей стал не только местом, где собираются и хранятся материалы о И. Канте, но и центром изучения его литературного наследия, пропаганды историко-философских знаний. На базе музея организуются межвузовские научно-теоретические конференции по проблеме «Философия И. Канта и современность», проводятся периодические кантовские чтения, работает клуб любителей философии, кантовское общество (президент профессор Л. А. Калинин), ежегодно издается «Кантовский сборник».

Важное теоретическое и практическое значение имеют и другие научные направления, развивающиеся в Калининградском университете. Из гуманитарных направлений – правовое регулиро-

schen Nachlasses und der Verbreitung von Kenntnissen in Geschichte und Philosophie. Hier werden interuniversitäre wissenschaftlich-theoretische Konferenzen zum Thema „Kants Philosophie und die Gegenwart“ organisiert, werden Vorlesungen über Kant gehalten. Es gibt einen Club der Philosophieliebhaber und eine Kant-Gesellschaft, deren Präsident Professor L. A. Kalinnikov ist. Jährlich wird ein Kant-Jahrbuch herausgegeben.

Von großer theoretischer und praktischer Bedeutung sind auch andere wissenschaftliche Richtungen, die sich an der Kaliningrader Universität entwickeln. Im geisteswissenschaftlichen Bereich handelt es sich um die rechtliche Regelung sozialer Beziehungen (Professor W. P. Prokopjev) sowie um regionale Aspekte der vaterländischen und allgemeinen Geschichte (Professor W. W. Sergejev). Auf dem Forschungsgebiet der Physik und Mathematik sind es unter anderem die Studienrichtung Differential-Geometrie der Figurenvielfalt (Professor W. S. Malachowskij), mathematisches Modellieren in angewandten Aufgaben (Professor J. T. Glasunov), Wärmelehre und Plasma-Diagnostik in Kraftanlagen (Dozent A. W. Rumjanzev), die Forschung im Bereich von Plasma- und elektromagnetischen Prozessen im erdnahen Weltall (Professor M. A. Nikitin), Erforschung von Methoden der doppelten nuklearquadrupolen Resonanz (Professor W. S. Gretsichskina). Im Bereich der Naturwissenschaft sind es die Untersuchung von Arten des Korrosionsschutzes von Metallen (Professor S. M. Beloglasov), geoökonomische Untersuchungen des Weltozeans (Professor W. M. Litwin und Professor W. W. Orlenok) sowie die biologische Erforschung der Region (Professor W. P. Dedkov).

Da im Lauf der Jahre viel gebaut worden

вание общественных отношений (профессор В. П. Прокопьев), региональные проблемы отечественной и всеобщей истории (профессор В. В. Сергеев). В области физико-математических наук – это изучение дифференциальной геометрии многообразий фигур (профессор В. Ц. Малаховский), математическое моделирование в прикладных задачах (профессор Ю. Т. Глазунов), теплофизика и диагностика плазмы в энергетических установках (доцент А. В. Румянцев), исследование плазменных и электромагнитных процессов в околоземном космическом пространстве (профессор М. А. Никитин), изучение методов двойного ядерного квадрупольного резонанса (профессор В. С. Гречишкин) и др. Среди естественных наук – исследование способов защиты металлов от коррозии (профессор С. М. Белоглазов), геоэкологические исследования Мирового Океана (профессора В. М. Литвин и В. В. Орленок), биологические исследования региона (профессор В. П. Дедков).

За годы существования университета серьезно укреплена его материальная база; в результате строительства вдвое увеличено число корпусов. Калининградский пединститут был расположен в здании по ул. Чернышевского, сейчас здесь расположены исторический, педагогический и факультет физического воспитания университета. Корпус химического, биологического и географического факультетов (ул. Университетская) университет получил при его образовании в 1967 году. Это здание Кенигсбергского университета (с 1861 г.), которое пострадало во время войны, а после реконструкции здесь была расположена общеобразовательная средняя школа № 32.

На площади 80 га по ул. А. Невского на-

ist – die Anzahl der Universitätsgebäude hat sich mittlerweile verdoppelt –, steht die Universität auf einer soliden materiellen Basis. Die Kaliningrader Pädagogische Hochschule war im Gebäude auf der Tschernyscheskij-Straße untergebracht. Hier befinden sich jetzt die Fakultäten für Geschichte, Pädagogik und Sport. Die Fakultäten für Chemie, Biologie und Geographie (Universitätsstraße) befinden sich in dem Gebäude, das die Universität bei ihrer Gründung im Jahre 1967 erhalten hat. Dies ist das alte Gebäude der Königsberger Universität (seit 1861), das während des Krieges gelitten hatte. Nach dem Wiederaufbau war dort lange Zeit die allgemeinbildende Oberschule Nr. 32 untergebracht.

Auf dem Territorium von 80 Hektar an der A.-Nevskij-Straße wird eine Universitäts-Stadt angelegt. Hier sind schon drei Gebäude fertiggestellt, und es ist geplant, noch zwei Sporthallen zu bauen. Die Universität ist bemüht, den Lehrprozeß mit technischen Hilfsmitteln, mit Computern und Forschungsgeräten auszustatten. Viele Labors sind technisch sehr gut ausgerüstet.

Auch der Botanische Garten gehört zur Universität. Er wurde bereits 1904 gegründet und hat einen einzigartigen Bestand an Bäumen, Busch- und Treibhauspflanzen, insgesamt sind es ca. 3000 Pflanzenarten.

Immer enger werden die internationalen wissenschaftlichen Beziehungen der Universität. Sie nimmt an fünf internationalen Forschungsprogrammen und Projekten teil. In den letzten Jahren ist die Zusammenarbeit von episodischen Gastprofessuren und der Teilnahme einzelner Wissenschaftler an internationalen Konferenzen im Ausland zur Organisation von Konferenzen in Kaliningrad und zum Abschluß von Abkommen über Zusam-

гато формирование университетского городка. Здесь уже построены три здания, сейчас собираются строить два спортивных зала-модуля. Университет расширяет оснащение учебного процесса техническими средствами, компьютерами, исследовательскими приборами. Ряд лабораторий имеет высокий уровень оснащения.

Ботанический сад – одно из подразделений КГУ. Он был основан еще в 1904 году и располагает уникальным фондом древесно-кустарниковых и оранжерейных растений. Его коллекция насчитывает около 3 тысяч видов растений.

Все прочнее становятся международные научные связи КГУ. Он участвует в пяти международных исследовательских программах и проектах. В последние годы сотрудничество переходит от эпизодических стажировок, участия отдельных ученых в международных конференциях за рубежом к организации таких конференций в Калининграде, к заключению договоров о творческом сотрудничестве с зарубежными вузами. Калининградский университет сейчас сотрудничает с Кильским, Гамбургским, Марбургским, Гейдельбергским, Геттингенским университетами Германии, Гданьским, Щецинским университетами и Ольштынской высшей педагогической школой Польши, Упсальским университетом Швеции. Заключен протокол о намерении сотрудничества с университетом Норфолка США. КГУ стал соучредителем и членом ассоциации университетов стран Балтийского региона. С 1990 года он входит в Конференцию ректоров Балтийских университетов.

Будущее Калининградского университета, его возможности и значение тесно связаны со становлением на территории области свободной экономической зоны «Янтарь». Речь идет о развитии уни-

menarbeit mit ausländischen Universitäten übergegangen. Jetzt arbeitet die Kaliningrader Universität mit den deutschen Universitäten in Kiel, Hamburg, Marburg, Heidelberg und Göttingen, den polnischen Universitäten Danzig, Stettin und der Olsztyner (Allensteiner) Pädagogischen Hochschule sowie mit der schwedischen Universität in Uppsala zusammen. Es gibt Pläne über die Zusammenarbeit mit der Universität in Norfolk in den USA. Die Kaliningrader Universität wurde zum Mitgründer und Mitglied der Universitätsassoziation von Ländern der baltischen Region. Ab 1990 ist sie Mitglied der Rektorenkonferenz der baltischen Universitäten.

Die Zukunft der Kaliningrader Universität, ihre Möglichkeiten und ihre Bedeutung sind eng verbunden mit dem Entstehen einer freien Wirtschaftszone „Jantar“ („Bernstein“) in diesem Gebiet. Es geht um die Entwicklung der Universität zu einem der Zentren der Wissenschaft, Kultur und Bildung mit einigen Kontakten zu den westeuropäischen Ländern. Die freie Wirtschaftszone braucht eine für Partner offene Universität.

верситета как центра российской науки, культуры, образования, тесно взаимодействующего с вузами европейских стран. Свободной экономической зоне нужен открытый для партнеров университет.

Liste der Leihgeber, die Originale und Reprographien zur Verfügung gestellt haben:

Archiv des Coburger Convents im Institut für Hochschulkunde

Archiv des Verbandes Alter Corpsstudenten im Institut für Hochschulkunde

Bayerisches Staatsarchiv, Würzburg

Bildarchiv Foto Marburg im Kunstgeschichtlichen Institut der Philipps-Universität Marburg

Bildarchiv Herder-Institut, Marburg

Bildarchiv Preußischer Kulturbesitz, Berlin

Bundesarchiv Koblenz

Carl-Schirren-Gesellschaft, Lüneburg

Cimbria Königsberg, Saarbrücken

Freies Deutsches Hochstift, Frankfurt/Main

Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, Berlin

Gerhart-Hauptmann-Haus. Forum für deutsch-osteuropäische Begegnungen, Düsseldorf

Germanisches Nationalmuseum, Nürnberg

Gosudarstvennyj archiv Kaliningradskoj oblasti (Staatsarchiv des Kaliningrader Gebiets), Kaliningrad

Hans Hecker, Köln

Herzog-August-Bibliothek, Wolfenbüttel

Herder-Institut, Marburg

Institut für Hochschulkunde an der Universität Würzburg. Deutsche Gesellschaft für Hochschulkunde e.V., Würzburg

Kulturzentrum Ostpreußen, Ellingen

Kaliningradskij oblastnoj istoriko-chudožestvennyj muzej (Museum für Geschichte und Kunst des Kaliningrader Gebiets), Kaliningrad

Landes- und Universitätsbibliothek Düsseldorf

Ruth Lang, Mettmann

Museum Stadt Königsberg, Duisburg

Niedersächsische Staats- und Universitätsbibliothek, Göttingen

Nordostdeutsches Kulturwerk, Lüneburg

Ostpreußisches Landesmuseum, Lüneburg

Sammlung Deutsche Gesellschaft für Hochschulkunde, Würzburg

Frank Sparing, Düsseldorf

Universitätsbibliothek Marburg

Wir sind den genannten Institutionen und Privatpersonen sowie allen anderen zu Dank verpflichtet, die unsere Arbeit mit Rat und Tat unterstützt und gefördert haben.